

О ПОРЯДКѢ

ДВѢ КНИГИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Представляетъ два состязанія, изъ коихъ первое учитъ, что рѣшительно все, и доброе и злое, подчинено порядку божественнаго провидѣнія. Второе касается превосходства и отчасти—понятія этого порядка. Въ этомъ второмъ состязаніи, по встрѣтившемуся поводу, блаженный Августинъ строго осуждаетъ безпорядочныя душевныя движенія и ребяческія, изъ—за тщеславія, ссоры своихъ воспитанниковъ, и въ то же время утверждаетъ, что Моника, ради своего пола, не должна устраниваться отъ философскаго состязанія.

ГЛАВА I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Все управляется божественнымъ провидѣніемъ.

Исслѣдывать и познавать порядокъ вещей свойственно, Зиновій, всякому; но въ то же время постигнуть и разъяснить тотъ общій порядокъ, которымъ держится и управляется этотъ міръ, дѣло для людей весьма трудное и рѣдко осуществимое. Къ тому же присоединяется, что если бы кто достигъ одного, не можетъ достигнуть другаго. именно—найти для столь божественныхъ и таинственныхъ предметовъ слушателя достойнаго какъ по добродѣтельной жизни, такъ и

по нѣкому складу своихъ научныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые лучшіе умы ничего такъ страстно не доискиваются, а наблюдающіе съ возможнымъ мужествомъ своего рода скалы и бури этой жизни—ничего съ большимъ усердіемъ не стараются узнать и изучить, какъ то—какимъ образомъ это бываетъ, что Богъ о дѣлахъ человѣческихъ печется, а между тѣмъ въ этихъ человѣческихъ дѣлахъ всюду и всегда проявляется такая превратность, какую трудно приписать не только божественному, но и рабскому управленію, если бы дать такую власть рабу. Почему принимающимъ къ сердцу этого рода вопросы остается какъ бы по необходимости прійти къ заключенію, что божественное провидѣніе не простирается до этого дальняго и дольняго, или что все это зло въ дѣйствительности совершается волею Божіею. И то и другое нечестиво, но особенно—послѣднее. Хотя быть того мнѣнія, чтобы что нибудь было оставлено Богомъ, какъ невѣжественно, такъ и въ высшей степени опасно для души; однако никто и между самими людьми не ставитъ никому въ преступленіе невозможность что либо сдѣлать. Да и хула въ пренебреженіи гораздо извинительнѣе, нежели хула въ злости и жестокости. Поэтому разумъ нечуждый благочестія какъ бы вынужденъ полагать, что божество не можетъ управлять этимъ земнымъ, или—что оно скорѣе пренебрегаетъ и презираетъ его, чѣмъ управляетъ имъ такъ, что всякая жалоба на Бога была бы еще жалобою кроткою и не заслуживающею порицанія.

Но кто настолько слѣбитъ умомъ, что усумнится приписать божественному дѣйствію и управленію все то разумное въ движеніи тѣлъ, что происходитъ независимо отъ распоряженія и воли человѣческой? Или припишетъ, можетъ быть, случайности образованіе такъ точно и тонко соразмѣренныхъ членовъ какихъ либо самыхъ малѣйшихъ животныхъ? А если отвергнетъ случай, долженъ будетъ признать въ этомъ

дѣло разума. Да и во всей совокупности природы развѣ осмѣлимся мы, руководясь какими нибудь бреднями суетнаго мнѣнія, представлять чуждымъ таинственному манію Верховнаго Правителя то, что въ какихъ либо отдѣльных предметахъ удивляетъ насъ своимъ устройствомъ, нисколько не нуждавшимся въ искусствѣ человѣческомъ? Напротивъ, это и возбуждаетъ множество недоумѣній, что члены блохи расположены и организованы удивительнымъ образомъ, а жизнь человѣческая между тѣмъ вращается и течетъ въ непостоянствѣ безчисленныхъ превратностей. Но вѣдь это тоже, какъ если бы кто, имѣя до такой степени слабое зрѣніе, что взоръ его не могъ бы на мозаическомъ полу охватить пространство больше одного квадратика, сталъ бы упрекать художника за неумѣніе давать (*квадратикимъ*) порядокъ и извѣстное расположеніе; между тѣмъ какъ этихъ мозаическихъ работъ, сливающихся въ одну прекрасное цѣлое, онъ не могъ видѣть разомъ и во всей совокупности. Не другое что случается и съ людьми неучеными, которые, не будучи въ силахъ слабымъ умомъ своимъ обнять всю совокупность и гармонію вещей, когда что нибудь причиняетъ имъ вредъ, въ силу того, что вредъ этотъ великъ на ихъ взглядъ, считаютъ присущею и всему великую мерзость.

ГЛАВА II.

Посвящаетъ это твореніе Зиновію.

Важнѣйшая причина этого заблужденія заключается въ томъ, что человѣкъ не знаетъ самъ себя. Чтобы познать себя, нужна большая привычка отвлекаться отъ чувствъ, сосредоточивать душу и удерживать ее саму въ себѣ. А этого достигаютъ лишь тѣ, кто всякія раны мнѣній, наносимыя теченіемъ обыденной жизни, или прижигаютъ уединеніемъ, или излечиваютъ, занимаясь свободными науками. Возвраща-

ценная такимъ образомъ самой себѣ душа уразумѣваетъ, въ чемъ состоитъ красота вселенной (*universitatis*), правильно такъ названной отъ единства (*ab uno*). Отъ того-то этой красоты и нельзя видѣть душѣ, которая обращена на множество отдѣльныхъ предметовъ, съ жадностію гоняется за ницетою и не знаетъ, что ея можно избѣжать простымъ удаленіемъ отъ толпы. Подъ толпою же я разумѣю не людскую толпу, а толпу всего, что дѣйствуетъ на чувства. И неудивительно, что душа терпитъ тѣмъ большую ницету, чѣмъ большее количество старается охватить. Какъ бы ни былъ обширенъ кругъ, въ немъ есть одна средняя точка, къ которой склоняется все, называемая геометрами центромъ; и хотя части его окружности могутъ быть дѣлимы безъ числа, кромѣ этой нѣтъ другой точки, отъ которой прочія всѣ находились бы въ равномъ разстояніи и которая господствовала бы надъ всѣми какъ бы по нѣкому праву уравниенія. Выйди отсюда въ какую либо часть круга, и потеряешь черезъ это все, чѣмъ множество держится въ единствѣ. Такъ и душа, вылившаяся изъ себя самой, разсѣивается въ нѣкоторой безпредѣльности и истощается до полного нищенства, такъ какъ ея природа принуждаетъ ее во всемъ искать одного, а множество находить его не позволяетъ.

Свойство сказаннаго мною, причину, отъ которой зависить заблужденіе душъ, а равно и то, какимъ образомъ все сливается въ одно и является совершеннымъ, а грѣховъ все же избѣгать слѣдуетъ, — все это ты уразумѣешь вполнѣ, мой Зиновій. Съ такой именно стороны я знаю твои природныя дарованія и твою душу, любящую красоту всякаго рода безъ страстной неумѣренности и нечистоты. Эта печать будущей въ тебѣ мудрости служить тебѣ во имя Божіе защитою противъ губительныхъ страстей; не бросай своего дѣла, увлекшись ложными удовольствіями; ничего не можетъ быть гнуснѣе и опаснѣе подобной сдѣлки. Итакъ, повѣрь мнѣ, ты

уразумѣешь все указанное, если предашься научнымъ занятіямъ, которыя очищаютъ и образуютъ душу, до того времени даже вовсе неспособную, чтобы вѣрить ей божественныя сѣмена. Какимъ способомъ все это можетъ случиться и къ какому приведетъ порядку, что сулитъ разумъ учащимся и добрымъ, какую жизнь проводимъ мы, твои друзья, и какой плодъ собираемъ отъ своего благороднаго досуга,—все это, полагаю, уяснять тебѣ эти книги, болѣе пріятныя намъ твоимъ именемъ, чѣмъ нашею обработкою, особенно если и ты самъ, избирая лучшее, захочешь ввести и включить себя въ тотъ порядокъ, о которомъ къ тебѣ пишу.

Когда болѣзнь желудка принудила меня оставить школу,—меня, который, какъ извѣстно тебѣ, и безъ подобной крайности задумывалъ предаться философіи, я тотчасъ же переехалъ на дачу ближайшаго друга своего Верекунда. Нужно ли говорить, что это—съ охотою даннаго имъ согласія? Ты знаешь прекрасно рѣдкое благоволеніе этого челоуѣка какъ ко всѣмъ, такъ и ко мнѣ. Тамъ мы разсуждали между собою обо всемъ, что казалось намъ полезнымъ, присоединивъ къ тому благоразумно стиль, который устранялъ все, что я находилъ поддерживающимъ свою болѣзнь. Ибо какъ скоро я сдерживался нѣкоторою заботливостію о своихъ выраженіяхъ, въ состязаніяхъ не проявлялось никакой неумѣренной горячности. А вмѣстѣ съ этимъ, если бы намъ заблагоразсудилось что либо перенести на письмо, не представилось или необходимости сказать иначе, или труда припоминать. Вели со мною эти состязанія Алипій, мой братъ Навигій и Лиценцій, неожиданно предавшійся до крайности поэзіи. Въ то же время возвратила намъ воспная служба и Тригеція, который, какъ ветеранъ, полюбилъ исторію. Имѣли мы кое что для этого и въ книгахъ.

ГЛАВА III.

Состязаніе 1.

Поводъ къ состязанію.

Въ одну ночь, бодрствуя по обычаю, я размышлялъ самъ съ собою, молча, обо всемъ, что откуда бы то ни было входило на умъ. Изъ любви къ изслѣдованію истины у меня обратилось въ привычку—первую ли то, если являлось къ тому расположеніе, или послѣднюю, но во всякомъ случаѣ почти половинную часть ночи, бодрствуя размышлять о чемъ нибудь. При этомъ я не позволялъ юношамъ отвлекать меня отъ себя самаго ихъ ночными работами. Ибо и они впродолженіи цѣлаго дня столько трудились, что мнѣ казалось чрезмѣрнымъ, еслибы они употребляли для своихъ научныхъ занятій еще какую либо часть ночи. Сверхъ того и сами они имѣли отъ меня наставленіе дѣлать кое что съ собою и помимо книгъ и пріучать свою душу жить саму въ себѣ. Итакъ я, повторяю, бодрствовалъ, какъ вотъ до слуха моего донесся шумъ воды, протекавшей позади бань, и я вслушался въ него внимательнѣе обыкновеннаго. Мнѣ показалось тогда очень страннымъ, что пробѣгавшая по булыжнику таже самая вода журчала то внятиѣ, то глуше. Сталъ я спрашивать себя, какая бы могла быть тому причина, и признаюсь, не придумалъ никакой. Въ это время Лиценцій ударомъ по дереву своей кровати пугнулъ догучливыхъ мышей и этимъ далъ замѣтить, что не спать. Тогда я сказалъ ему: Обратилъ ли ты вниманіе, Лиценцій (ибо я вижу, что муза твоя засвѣтила огонь для ночныхъ твоихъ занятій), какъ неодинаково шумитъ этотъ потокъ?—Для меня, отвѣтилъ онъ, это вовсе не новость. Когда одно время проснулся я подъ влияніемъ сильнаго желанія хорошей погоды и прислушивался, не идетъ ли дождь, эта вода шу-

мѣла также, какъ и теперь.—Тоже подтвердилъ и Тригещій. Ибо и онъ, лежа на кровати своей въ тойже спальнѣ, бодрствовалъ, хотя мы о томъ и не знали: потому что въ комнатахъ было темно, что въ Италиі—дѣло почти необходимости и для людей денежныхъ.

Итакъ, когда я увидѣлъ, что моя школа въ ея наличномъ составѣ (ибо Алипій и Навигій ушли въ городъ) не спитъ и въ эти часы, а упомянутое теченіе воды побуждало меня завести рѣчь о немъ, я сказалъ: кабая, по вашему мнѣнію, причина того, что этотъ звукъ такъ мѣняется? Вѣдь немислимое же дѣло, чтобы кто нибудь въ эти часы останавливалъ этотъ потокъ, переходя его или моя въ немъ чтолибо.—А не отъ того ли это, отвѣчалъ Лиценцій, что разнаго рода листья, постоянно и во множествѣ падающіе осенью, скопившись гдѣ нибудь въ узкихъ мѣстахъ канала, по временамъ пересиливаются и уступаютъ напору воды, а когда напиравшая волна пройдетъ, снова собираются и сплочиваются? Притомъ развѣ различное положеніе плавающихъ листьевъ не можетъ дѣлать и чего либо другаго, чтобы подобнымъ же образомъ то задерживать, то освобождать потокъ?—Такъ какъ другаго объясненія я не имѣлъ, то это мнѣ показалось вѣроятнымъ, и похваливъ остроуміе Лиценція, я признался, что не придумалъ ничего, хотя и долго искалъ причины явленія.

За тѣмъ, помолчавъ нѣсколько, я сказалъ: Ты былъ въ правѣ не удивляться и витать мыслию подлѣ Балліоны.—Да, въ правѣ, отвѣчалъ онъ. Но сейчасъ заставилъ меня крайне удивиться ты.—Какимъ это образомъ, спросилъ я?—А тѣмъ, отвѣчалъ онъ, что ты удивился этому.—Да что же, сказалъ я, и производитъ удивленіе, или какая мать этого порока, какъ не вещь необычная, являющаяся внѣ очевиднаго порядка причинъ?—«Внѣ очевиднаго», отвѣчалъ онъ, согласенъ; но «внѣ порядка», по моему мнѣнію, не бываетъ ничего.—

Такъ какъ умъ этого юноши, почти со вчерашняго только дня обратившійся къ этимъ (*философскимъ*) занятіямъ, обнялъ такъ быстро и такой высочій предметъ, то я рѣшительнѣе и съ болѣе оживленною надеждою, чѣмъ обыкновенно, когда обращаюсь къ нимъ съ какими нибудь вопросами, сказалъ: превосходная, во всѣхъ отношеніяхъ превосходная мысль и мужественная отвага. Этимъ великимъ шагомъ, повѣрь мнѣ, ты далеко переступилъ Геликонъ, до вершины котораго ты силиться добратся, будто до неба. Но я желалъ бы, чтобы ты защищалъ эту мысль, потому что попытаюсь ее опровергать.—Оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ въ настоящую минуту, отвѣчалъ онъ; потому что сильно занятъ другимъ.—Тогда я, опасаясь отчасти, чтобы вдавшись всецѣло въ поэзію онъ не отвлекся слишкомъ отъ философіи, сказалъ: Меня сердить, что ты, распѣвая и завывая на всѣ роды метра, вымучиваешь изъ себя эти стихи свои, которые воздвигаютъ между тобою и истинною стѣною болѣе огромную, чѣмъ какая существовала между твоими влюбленными; потому что послѣдніе перешептывались между собою по крайней мѣрѣ черезъ естественно образовавшуюся (*въ стѣнѣ*) трещину.—Лиценцій собирался въ то время воспѣть Пирама ¹⁾).

Такъ какъ я высказалъ это голосомъ болѣе суровымъ, чѣмъ предполагалъ, то онъ на нѣкоторое время примолкъ. А я думалъ уже оставить начатое и сосредоточиться снова въ себѣ, чтобы напрасно и безъ толку не занимать предзанятаго. Но онъ заговорилъ: У Теренція не такъ встаетъ сказано, какъ могъ бы это сказать теперь я о себѣ:

Несчастенъ я, какъ обнаружившая себя мышь).

¹⁾ Легенда о Пирамѣ и Тизбѣ читается у Овидія, *Metamorph.* IV. 2.

²⁾ In *Eunucho*, act. V, scen. 6.

Только то, что слѣдуетъ у него далѣе, можетъ обратиться въ противоположное. Онъ говорить:

Теперь я пропалъ;

а я можетъ быть теперь то и найдусь. Ибо (если вы придаете какое нибудь значеніе тому, что прорицатели имѣютъ обычай совершать гаданія и по мышамъ) если я ту домовую или полевую мышъ, которая меня, какъ не спящаго, тебѣ выдала, убѣдилъ своимъ стукомъ вернуться, если есть у ней сколько нибудь смысла, въ свою норку и успокоиться: то почему бы и меня эта суровость твоего голоса не убѣдила лучше философствовать, чѣмъ пѣть? Ибо философія, какъ я началъ уже вѣрить твоимъ ежедневнымъ доказательствамъ, есть наше истинное и незыблемое обиталище. Поэтому, если тебѣ не непріятно и если ты находишь, что это такъ слѣдуетъ, спрашивай меня о чемъ хочешь; насколько могу, я стану защищать порядокъ вещей и буду доказывать, что внѣ порядка ничего быть не можетъ. Ибо я до такой степени проникся мыслию о немъ, что еслибы кто и побѣдилъ меня въ настоящемъ состязаніи, я и это приписалъ бы не случайности, а порядку вещей. Побѣда будетъ не надъ самымъ предметомъ, а надъ Лиценціемъ.

ГЛАВА IV.

Безъ причины не бываетъ рѣшительно ничего.

Я снова съ радостію къ нимъ обратился.—А ты какъ думаешь, спросилъ я Тригегія?—Я весьма въ пользу порядка, отвѣчалъ онъ, но нахожусь въ состояніи сомнѣнія, и желаю подвергнуть такой важный предметъ самому тщательному обсужденію.—Въ пользу порядка, говорю я, и та сторона, какъ и ты; а что ты находишься въ состояніи сомнѣнія, это, полагаю, обще у тебя и съ Лиценціемъ, и со мною самимъ.—Вовсе нѣтъ, возразилъ Лиценцій, я въ этой мысли

убѣжденъ твердо. За чѣмъ бы я сталъ колебаться разрушить ту стѣну, о которой ты упомянулъ, прежде чѣмъ она поднимется совершенно? Ибо отвратить меня отъ философіи можетъ не столько поэзія, сколько неувѣренность въ открытіи истины. — Тогда Тригецій торжественно провозгласилъ: Каково? Нашъ Лиценцій уже не Академикъ! А вѣдь обыкновенно онъ защищалъ ихъ съ особою ревностію. — Оставь это, пожалуйста, въ данную минуту, отвѣчалъ онъ; пусть подобнаго рода хитрости и уловки не отклоняють и не отрываютъ меня отъ какого-то божественнаго предмета, который началъ представляться моей мысли и къ которому я съ жадностію стремлюсь. — Тогда я, чувствуя свою радость болѣе полною, чѣмъ когда либо осмѣливался желать, съ восхищеніемъ продекламировалъ извѣстный стихъ:

Такъ оный отецъ боговъ, такъ всевышній Аполлонъ
Да совершитъ; блади начало ¹⁾).

Ибо онъ самъ, который даетъ въ настоящее время предзнаменованіе и проникаетъ въ наши души, онъ самъ и доведетъ, если только пойдемъ туда, куда онъ велитъ идти и гдѣ обосновать мѣстопребываніе. Но всевышній Аполлонъ это—не тотъ Аполлопъ, который въ пещерахъ, на горахъ, въ рощахъ, возбужденный чадомъ куреній и гибелью (*приносимыхъ въ жертву*) животныхъ, овладѣваетъ душами изстуженныхъ, а Аполлонъ совершенно другой, справедливо называемый всевышнимъ, а сказать безъ обиняковъ—сама истина. Прорицатели ея всѣ, кто можетъ быть мудрымъ. Итакъ, Лиценцій, обнадеженные благочестіемъ своего богопочитанія, начнемъ идти, и своими стопами затопчемъ пагубный огонь смрадныхъ страстей.

¹⁾ Aeneid. X. v. 874. 875.

— Спрашивай же, прошу тебя, сказалъ онъ, если только я въ состояніи буду это нѣчто великое объяснить, пользуясь и твоими, и своими словами. — Прежде всего, говорю я, объясни мнѣ то самое, почему тебѣ кажется, что эта вода стекаетъ такъ не случайно, а въ силу порядка. То, что вода пущена по деревяннымъ желобамъ и проведена для нашего употребленія, можетъ относиться къ порядку. Люди, владѣющіе разумомъ, сдѣлали такъ, что давъ ей одно и то же направленіе, они въ одно и тоже время пользуются ею и для питья, и для купанья, и удобство мѣстоположенія наводило на мысль именно такъ сдѣлать. Но что въ нее, по твоимъ словамъ, напали листья такъ, что произошло то, чему мы удивились,—сочтемъ ли мы и это происшедшимъ въ порядкѣ вещей, а не отнесемъ ли скорѣе къ случайности?—То есть, отвѣчалъ онъ, кому нибудь, прекрасно понимающему, что безъ причины ничего не можетъ быть, можетъ показаться, что листья должны были или могли упасть иначе, чѣмъ упали. Но зачѣмъ ты жалеешь непременно, чтобы я входилъ въ подробное разъясненіе положенія деревьевъ и вѣтвей, и самой тяжести, какую природа сообщила листьямъ? Зачѣмъ мнѣ нужно изслѣдывать подвижность ли то воздуха, которая заставляетъ ихъ летать, или рѣдкость, которая заставляетъ ихъ опускаться, и разнообразныя паденія ихъ, зависящія отъ состоянія погоды, отъ тяжести, отъ фигуры ихъ, и отъ другихъ безчисленныхъ и болѣе тайныхъ причинъ? Подобныя вещи укрываются отъ нашихъ чувствъ, укрываются совершенно. Но какимъ-то образомъ отъ души нашей не скрыто одно, что безъ причины ничего не бываетъ; и этого достаточно для разсматриваемаго нами вопроса. Человѣкъ невыносимо-надоѣдливый можетъ продолжать допрашивать, какая-де была причина, что тамъ насажены деревья? Я отвѣчу, что люди соображались съ плодородіемъ почвы. А если то деревья неплодовитыя, а выросли

случайно? И въ такомъ случаѣ я отвѣчу, что мы знаемъ мало. Ибо выросшiйшая ихъ природа вовсе не случайна. Прибавлять ли еще что? Или докажете мнѣ, что можетъ что либо быть безъ причины, или вѣрьте, что вѣѣ опредѣленнаго порядка причинъ не можетъ быть ничего.

ГЛАВА V.

Богъ управляетъ всѣмъ въ порядкѣ.

Хотя, сказалъ я ему, ты и называешь меня невыносимо надобдливымъ (а не быть такимъ я едвали могъ, потому что помѣшалъ твоимъ бесѣдамъ съ Пирамомъ и Тисбою), однако я продолжу свои вопросы тебѣ. Эта природа, въ которой ты хочешь видѣть порядокъ, для какого блага (чтобы не говорить объ остальныхъ безчисленныхъ предметахъ) произвела эти самыя деревья, не приносящiя плода?—Пока онъ раздумывалъ, что сказать, Тригедiй отвѣчалъ: Да развѣ древесная растительность доставляетъ людямъ пользу одними плодами? А сколько есть другаго: сколько она приноситъ своею тѣнью, своими бревнами и досками, самыми наконецъ своими вѣтвями и листьями?—Не отвѣчай, пожалуйста, такъ на его вопросы, сказалъ Лиценцiй. Есть безчисленное множество вещей, отъ которыхъ людямъ нѣтъ никакой пользы, или если есть, то такая неясная и сомнительная, что людямъ, а особенно намъ, раскрыть или доказать се невозможно. Пусть лучше онъ самъ докажетъ намъ, что бываетъ что нибудь такое, чему не предшествуетъ причина.—Мы увидимъ это, отвѣчалъ я, послѣ. Потому что мнѣ уже нѣтъ необходимости быть учителемъ, пока ты, заявившiй открыто, что имѣешь точныя свѣденiя по этому предмету, не научишь меня, крайне желающаго научиться и поэтому только проводящаго безъ сна дни и ночи.

— Что ты хочешь этимъ сказать, возразилъ онъ? Не то ли, что я слѣдую за тобою легче, чѣмъ тѣ листья за вѣтромъ, который бросаетъ ихъ въ протекающую мимо воду, такъ что они не только падаютъ, но и уносятся? Ничто другое и будетъ, если Лиценцій станетъ учителемъ Августина, и притомъ—по существеннымъ предметамъ философіи.— Не унижай, пожалуйста, сказалъ я, и себя такъ, и не превозноси меня. Ибо и я дитя въ философіи, и когда спрашиваю, не особенно забочусь о томъ, черезъ кого отвѣтитъ мнѣ Тотъ, Кто ежедневно слышитъ мои молитвы. Пророкомъ Его, я вѣрю, нѣкогда будешь и ты; и это нѣкогда быть можетъ недалеко. А между тѣмъ даже и другіе, вовсе чуждые занятій этого рода, могутъ кое чему научить, когда привлекаются къ кружку разсуждающихъ какъ бы цѣпами вопросовъ. Кое что же это отнюдь не есть ничто. Или ты не видишь (пользуюсь съ удовольствіемъ твоимъ сравненіемъ), что тѣ самыя листья, которыя летятъ по вѣтру и уплываютъ по водѣ, до извѣстной степени сопротивляются уносящему ихъ потоку, и напоминаютъ людямъ о порядкѣ вещей, если только справедливо то, что ты защищаешь.

— При этихъ словахъ онъ, соскочивъ даже съ кровати отъ радости, сказалъ: Кто станетъ отрицать, великій Боже, что ты управляешь всѣмъ въ порядкѣ? Какъ все направляется къ тому, съ какою точно рассчитанною послѣдовательностію все сплетается, сколько и чего сдѣлано, чтобы мы завели рѣчь объ этомъ; сколько дѣлается, чтобы мы обрѣли Тебя? Ибо откуда, какъ не изъ порядка вещей, вытекаетъ и объясняется то самое, что мы не спали, что ты замѣтилъ этотъ шумъ, что доискивался про себя причины ему, что не нашелъ причины для такой бездѣлицы? Подвернулась даже мысль, чтобы я, неспавшій, выдалъ себя. Наконецъ и самая рѣчь твоя, можетъ быть и безъ твоего вѣдома (ибо никто не властенъ въ томъ, что приходитъ на

умъ), ведется какъ-то такъ, что учить меня сама, какъ долженъ я тебѣ отвѣчать. Согласись, вѣдь еслибы сказанное нами, будучи предано, какъ предположилъ ты, писмени, получило нѣсколько болѣе широкую извѣстность между людьми, развѣ это событіе не покажется настолько великимъ, чтобы спрошенный объ немъ какой нибудь великій прорицатель или халдей долженъ былъ предсказать его гораздо ранѣе, чѣмъ оно случилось? И еслибы предсказалъ, развѣ не назвали бы его тѣмъ болѣе провидящимъ, развѣ не провожали бы его тѣмъ большими похвалами, что никто не рѣшился бы и вывѣдывать отъ него, для чего падаетъ листъ съ дерева или не надокучить ли бродячая мысль лежащему человѣку? Ибо говорилъ ли кто нибудь когда либо изъ нихъ о чемъ нибудь подобномъ, имѣющемъ быть, самъ отъ себя; или вынужденъ ли былъ предсказать что либо такое обращавшимся къ нему съ вопросомъ? А между тѣмъ, если бы онъ предсказалъ, что имѣетъ появиться нѣкая не рядовая книга, и увидѣлъ, что это необходимо случится (ибо иначе онъ не могъ бы и предсказывать): то все, что ни дѣлаютъ летающія листья въ полѣ или ничтожнѣйшій звѣрекъ въ домѣ совершенно также необходимы въ порядкѣ вещей, какъ и эти письма. Ибо послѣднія зависятъ отъ нашихъ словъ, которыя безъ тѣхъ предшествующихъ ничтожнѣйшихъ обстоятельствъ не могли бы ни прійти на умъ, ни быть высказаны и переданы потомству. Поэтому пусть, пожалуйста, никто не спрашиваетъ меня, почему что бываетъ. Достаточно и того, что ничего не дѣлается, ничего не происходитъ, чего не произвела бы и не сдѣлала какая нибудь причина.

ГЛАВА VI.

Порядокъ обнимаетъ все.

Изъ этого видно, сказалъ я, что тебѣ, юноша, неизвѣстно, какъ много и какими мужами высказано противъ предсказаній. Теперь скажи мнѣ, не бываетъ ли чего либо безъ причины? Но такъ какъ ты, вижу я, рѣшительно не хочешь отвѣчать на этотъ вопросъ: то какъ тебѣ кажется, этотъ защищаемый тобою порядокъ есть ли нѣчто доброе, или злое?—Онъ ворчливо отвѣчалъ: Ты не такой предложилъ вопросъ, чтобы я могъ отвѣчать одно изъ двухъ. Я вижу въ этомъ нѣчто среднее. Порядокъ, по моему мнѣнію, не есть ни добро, ни зло. — Но скажи, по крайней мѣрѣ, продолжалъ я, что ты считаешь противнымъ порядку?—Ничего, отвѣчалъ онъ. Ибо какимъ образомъ что либо можетъ быть противнымъ тому, что все обнимаетъ, все содержитъ? Ибо все, что будетъ противно порядку, по необходимости, будетъ внѣ порядка. А внѣ порядка, по моему мнѣнію, ничего нѣтъ. Слѣдовательно, не слѣдуетъ ничего считать и противнымъ порядку. — Неужели, возразилъ Тригецій, заблужденіе не противно порядку? — Нисколько не противно, отвѣчалъ онъ. Ибо я не думаю, чтобы кто нибудь заблуждался безъ причины. Послѣдовательность же причинъ входитъ въ порядокъ. И самое заблужденіе не только является вслѣдствіе причины, но и производитъ нѣчто, чего служить причиною. Почему, не будучи внѣ порядка, оно не можетъ быть и противно порядку.

— Послѣ этого Тригецій замолчалъ, а я не помнилъ себя отъ радости, видя, что юноша, сынъ дорогаго друга, сдѣлался и моимъ сыномъ, даже болѣе — возвысился и выросъ до друга мнѣ, и между тѣмъ какъ я отчаявался въ расположеніи его къ занятіямъ посредственными науками, ока-

зался какъ бы на правахъ полнаго хозяина разомъ вошедшимъ въ самую сущность философін. Пока я молча удивлялся и отъ радости волновался, онъ, какъ бы неожиданно охваченный нѣкоторою мыслію, вскричалъ: О еслибы я могъ выразить что хочу? Гдѣ вы, слова, гдѣ? Помогите мнѣ. И добро и зло въ порядкѣ вещей. Вѣрьте, если хотите. Потому что объяснить это я не умѣю.

ГЛАВА VII.

Богъ не любитъ зла хотя оно имѣетъ отношеніе къ порядку.

Я удивлялся и молчалъ. Тригедій же, замѣтивъ, что человѣкъ, какъ бы подъ вліяніемъ опьяненія, сдѣлался нѣсколько болѣе общительнымъ и разговорчивымъ, сказалъ: Мнѣ кажется, Лиценцій, что утверждаемое тобою нелѣпо и совершенно чуждо истины; но ты, пожалуйста, дай мнѣ высказаться, и не перебивай своими восклицаніями.—Говори что хочешь, отвѣчалъ онъ. Я не боюсь, что ты отклонишь меня отъ того, что я вижу и чѣмъ почти овладѣлъ.—Если бы—то, сказалъ тотъ, ты не отклонился уже отъ защищаемого тобою порядка,—ты не взвелъ бы на Бога (чтобы выразиться мягче) такого нерадѣнія. Ибо что можно сказать болѣе нечестиваго, какъ то, что даже зло входитъ въ порядокъ? Вѣдь Богъ несомнѣнно любитъ порядокъ.—Дѣйствительно любить, отвѣчалъ онъ; порядокъ отъ Него истекаетъ и Имъ держится. А что о такомъ возвышенномъ предметѣ можно было бы сказать болѣе подходящее, подумай, пожалуйста, о томъ самъ. Ибо я въ данное время не въ состояніи тебя этому учить.—Зачѣмъ думать, возразилъ Тригедій? Я беру просто твои слова, и довольствуюсь тѣмъ, что въ нихъ понимаю. Вѣдь ты сказалъ, что и зло входитъ въ порядокъ, а самый порядокъ истекаетъ отъ всевышняго Бога,

Который и любить его. Изъ этого слѣдуетъ, что и зло происходитъ отъ всевышняго Бога, и Богъ любить зло.

Это заключеніе заставило меня бояться за Лиценція. Но онъ, продолжая выражать сожалѣніе о трудности подыскивать слова, и заботясь вовсе не о томъ, что слѣдуетъ отвѣчать, а о томъ, какъ выразить то, что слѣдовало отвѣчать, сказалъ: Богъ зла не любить, и не почему либо другому, какъ потому, что не въ порядкѣ, чтобы Богъ любилъ зло. Но почему бы самое зло могло не быть въ порядкѣ, если его Богъ не любить? Ибо въ томъ-то и состоитъ порядокъ зла, что его Богъ не любить. Или тебѣ кажется такой порядокъ вещей презрѣннымъ, что Богъ добро любить, хотя самый порядокъ любить; ибо Онъ то именно и любить, чтобы любить добро и не любить зла; а это — принадлежность великаго порядка и распоряженія божественнаго. Этотъ порядокъ и распоряженіе, поколику охраняетъ единство всего въ самой противоположности, производитъ то, что и самое зло является необходимымъ. Черезъ это, какъ бы нѣкоторымъ образомъ изъ антитезовъ (что намъ пріятно бываетъ и въ рѣчи) т. е. изъ противопоставленій, образуется красота всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ вещей.

Послѣ этого онъ нѣсколько помолчалъ. Но за тѣмъ, приподнимаясь и обращаясь въ ту сторону, гдѣ была постель Тригедія, неожиданно заговорилъ: Скажи, пожалуйста, правосуденъ ли Богъ?—Тотъ молчалъ, чрезвычайно, какъ признался послѣ, удивленный и пораженный новымъ неожиданнымъ вдохновеніемъ, какое выразилось въ рѣчи его соученика и друга. Пока тотъ молчалъ, этотъ продолжалъ: Если отвѣтишь, что Богъ несправосуденъ, то поймешь конечно, какой подвергаешься опасности ты, только что укрывшій меня въ нечестіи. Если же, какъ намъ предано и какъ насъ вынуждаетъ думать самый порядокъ, Богъ правосуденъ, то Онъ правосуденъ именно тѣмъ, что каждому

распредѣляетъ свое. Какое же можетъ быть распредѣленіе тамъ, гдѣ не соблюдается никакого различія? Или какое можетъ быть различіе, если все добро? Да и что можетъ быть признано существующимъ внѣ порядка, если прагосудіе Божіе воздаетъ и добрымъ и злымъ, каждому по его заслугамъ? Но мы всё признаемъ Бога правосуднымъ. Слѣдовательно, порядокъ обнимаетъ собою все. — Сказавъ это, онъ соскочилъ съ постели, и такъ какъ никто не говорилъ ему ни слова, голосомъ уже болѣе тихимъ сказалъ: Неужели ничего не отвѣтишь мнѣ и ты, который меня вызвалъ на это?

На тебя это напало теперь новый духъ благочестія, — я готовъ отвѣчать, сказалъ я ему. Но что мнѣ представится, я отвѣчу днемъ, который, повидимому, уже наступаетъ, если этотъ свѣтъ, проникающій въ окна, не свѣтъ лунный. Ибо съ одной стороны нужно позаботиться, чтобы такъ прекрасно сказанное тобою, Лиценціи, не было забыто. Развѣ записи наши не требовали когда нибудь заносить въ нихъ подобное? И безъ околичностей выскажу тебѣ, что думаю самъ, но буду спорить съ тобою, насколько могу, такъ какъ для меня не можетъ быть большаго торжества, какъ быть побѣжденнымъ тобою. Если же передъ уловками или тонкостію какого либо заблужденія тѣхъ людей, сторону которыхъ я не пытаюсь принять, твои слабыя умственные силы, не укрѣпленные изученіемъ наукъ, окажутся не состоятельными для того, чтобы защитить такіа представленія о Богѣ: то это обстоятельство уяснить тебѣ, какими ты долженъ запасться силами, чтобы съ большею твердостью защищать ихъ потомъ. Съ другой же стороны я желаю, чтобы настоящее наше состязаніе вышло болѣе обработаннымъ, потому что я предназначаю его для человѣка съ тонкимъ вкусомъ. Нашъ Зиповій часто подолгу разсуждалъ со мною о порядкѣ вещей и я никогда не могъ удовлетво-

рить его пытливости въ отношеніи къ столь возвышенному предмету, частію по причинѣ темноты этого предмета, частію по недостатку времени. Частыя отлучки истощили до такой степени его терпѣніе, что онъ, чтобы понудить меня отвѣчать ему съ большею тщательностію и обстоятельностью, вызывалъ меня къ тому даже стихами, и стихами хорошими; за что ты долженъ любить его тѣмъ болѣе. Эти стихи не могли быть тогда прочитаны тебѣ, потому что ты былъ весьма далекъ отъ подобнаго рода занятій; не могутъ быть прочитаны и теперь, потому что его отвѣздъ былъ такъ внезапенъ и столько при немъ было суеты, что намъ не могло придти и въ голову ни о чемъ подобномъ; а онъ предполагалъ отдать ихъ мнѣ, когда я отвѣчу. Много есть и другихъ причинъ, почему наше состязаніе должно быть отослано ему. Прежде всего, это—долгъ. Затѣмъ, будетъ вполне прилично подобнымъ образомъ показать его къ намъ благосклонности, какого рода жизнь проводимъ мы въ настоящее время. Наконецъ, онъ никому не уступаетъ въ той радости, которую возбуждаютъ надежды на тебя. Ибо и тогда, когда находился здѣсь, по дружбѣ съ твоимъ отцемъ, или лучше съ отцемъ всѣхъ насъ, онъ сильно беспокоился не столько о томъ, чтобы какая—нибудь искорка твоихъ душевныхъ способностей, которыя наблюдалъ онъ прилежно, осталась не раздутою моими стараніями, сколько о томъ, чтобы она не была погашена твоимъ небреженіемъ. А когда онъ узнаетъ, что ты занимаешься и поэзіею, то такъ будетъ доволенъ, что, мнѣ кажется, я уже вижу его прыгающимъ отъ радости.

ГЛАВА VIII.

*Лиценцій воспламененъ любовію къ философіи. Мони-
ка укоряетъ его за то, что, вышедши для естествен-
ной нужды, онъ распѣвалъ стихи изъ псалма. Поль-
за свободныхъ наукъ.*

Мнѣ, сказалъ Лиценцій, весьма пріятны твои слова, но будете ли вы смѣяться надъ моею юношескою подвижностію и легкомысленностію, или же такъ произошло по какому-то божественному манію и порядку, только не колеблясь говорю вамъ, что я вдругъ охладѣлъ къ стихотворству: другое, совершенно другое что-то, начинаетъ теперь свѣтиться въ душѣ моей. Философія, сознаюсь, гораздо прекраснѣе, чѣмъ Тизба, чѣмъ Пирамъ, чѣмъ сама Венера и Купидонъ, чѣмъ все эти страстныя чувства. — При этомъ онъ со вздохомъ приносилъ благодареніе Христу. Говорить ли, что я принялъ это съ удовольствіемъ; да и почему не сказать? Пусть всякій другой принимаетъ, какъ хочетъ; я отомъ не забочусь. Можетъ быть только я радовался неумѣренно.

Между тѣмъ, немного спустя, наступилъ день. Они встали, а я долго и со слезами молился. И вотъ слышу, что Лиценцій всело и звучно распѣваетъ слова изъ псалма: *Боже силъ, обрати ны, и просвѣти лице твое, и спасемъ* (пс. LXXIX, 8). Этотъ стихъ, вышедши наканунѣ послѣ ужина изъ комнаты для естественной нужды, онъ запѣлъ настолько громко, что наша мать не могла потерпѣть, чтобы въ извѣстномъ мѣстѣ были распѣваемы такія постоянно повторяемая слова. Другихъ же словъ онъ не произносилъ, потому что недавно еще усвоивъ самый напѣвъ, и, какъ это бываетъ, услаждался самою новостію мелодіи. Мать, женщина, какъ знаешь, чрезвычайно набожная, начала выговаривать ему за то, что онъ выбралъ для пѣнія этихъ словъ неприличное мѣсто. — Какъ будто, сказалъ онъ шутя, если бы какой-нибудь

врагъ заключилъ меня въ этомъ мѣстѣ, Господь Богъ не услышалъ бы моего голоса!

Итакъ, поутру, возвратившись въ комнату одинъ,—оба они выходили изъ нея по одной и тойже причинѣ,—онъ (Лиценцій) подошелъ къ моей кровати.—Скажи мнѣ, обратился онъ ко мнѣ, по правдѣ, что ты обо мнѣ думаешь (ибо мы должны поступать такъ, какъ этого хочешь ты)?—Что думаю я о тебѣ, сказалъ я, взявши его за правую руку, это ты и самъ чувствуешь, знаешь и понимаешь. По моему мнѣнію, ты вчера не даромъ такъ долго распѣвалъ о томъ, чтобы Богъ силъ обратившемуся тебѣ явилъ лице свое. Вспомнивъ объ этомъ съ удивленіемъ, онъ замѣтилъ: ты сказалъ весьма много и совершенно истинно. Меня и самого не мало удивляетъ то обстоятельство, что я, обнаружившій столько досады, когда ты отвлекъ меня вчера отъ пустаго занятія стихотворствомъ, теперь самъ стыжусь возвращаться къ нему,—до такой степени я всецѣло отдаюсь кое-чему великому и дивному. Не это ли на самомъ дѣлѣ значитъ быть обращеннымъ къ Богу? Вмѣстѣ съ этимъ я радуюсь и тому, что оказался неосновательнымъ сдѣланный мнѣ щепетильнымъ религіознымъ чувствомъ укоръ за то, что въ извѣстномъ мѣстѣ я распѣвалъ вчера такой стихъ изъ псалма.—Мнѣ, сказалъ я, это не кажется заслуживающимъ осужденія, и по моему мнѣнію основится къ тому же порядку, такъ какъ и по этому поводу мы можемъ сказать нѣчто. Ибо этой пѣснѣ, на мой взглядъ, соответствовали и мѣсто, которымъ мать была оскорблена, и ночь? Ибо отъ бакнхъ, по твоему мнѣнію, дѣлъ и предметовъ молимся мы быть обращенными къ Богу и увидѣть лице Его, какъ не отъ нѣкоторой тѣлесной нечистоты и грязи, а также отъ тьмы, которою охватываетъ насъ заблужденіе? Или—что другое означаетъ быть обращеннымъ къ Богу, какъ не подняться до самаго себя посредствомъ добродѣтели и умѣренности, удалившись отъ неумѣренности

пороковъ? Да и что иное—лице Божіе, какъ не та самая истина, которой мы жаждемъ и для которой, возлюбленный, мы дѣлаемъ себя чистыми и прекрасными?—Лучшаго, восплкнулъ онъ, нельзя и сказать. Затѣмъ тише, какъ бы на ухо, прибавилъ: Смотри, пожалуйста, сколько встрѣчается такого, чтобы я вѣрилъ, что и для насъ дѣлается кое—что въ силу счастливѣйшаго порядка!

Если, сказалъ я, о порядкѣ заботишься ты, то тебѣ слѣдуетъ снова обратиться къ своимъ стихамъ. Ибо изученіе свободныхъ наукъ, добросовѣстное разумѣется и отчетливое, дѣлаетъ любителей истины въ стремленіи къ ней болѣе бодрыми, болѣе пастойчивыми и болѣе подготовленными, такъ что они и пламеннѣе желаютъ ея, и съ большимъ постоянствомъ ея ищутъ и, наконецъ, съ болѣею пріятностію прилѣпляются къ ней; это, Лиценцій, и называется блаженною жизнью. При имени послѣдней всѣ поднимаютъ голову и какъ бы смотрятъ тебѣ въ руки, имѣешь ли ты что дать нуждающимся и одержимымъ различными недугами. Но когда мудрость станетъ повелѣвать имъ пригласить врача и довѣриться терпѣливо его леченію, они прячутся въ свои лохмотья. Заражаемые чрезъ согрѣваніе ими, они охотнѣе скоблѣять чесотку жалкихъ похотей, чѣмъ, чрезъ принятіе и выполненіе нѣсколькихъ суровыхъ и въ болѣзни тяжолыхъ совѣтовъ врача, возвращаются къ здоровому состоянію и къ свѣту. И вотъ они живутъ несчастные, довольствуясь, какъ бы милостынею, именемъ и предъущеніемъ высочайшаго Бога,—однако живутъ. Другихъ же людей, или правильнѣе сказать, другія души, оный превосходнѣйшій и прекраснѣйшій женихъ зоветъ въ свой чертогъ уже тогда, когда онѣ носятъ еще это тѣло; потому что имъ хочется не просто жить, а жить блаженною жизнью. Итакъ, иди пока къ своимъ музамъ. Но знаешь ли, чего я желалъ бы, чтобъ ты сдѣлалъ? — Прибазывай, что тебѣ угодно, отвѣчалъ онъ

Въ томъ мѣстѣ своей поэмы, сказалъ я, гдѣ намѣренъ ты воспѣть, какъ умертвили себя Пирамъ, а на немъ полумертвомъ его возлюбленная, ты имѣешь въ самой скорби, которою прилично съ особою силою воспламениться твоему стиху, обстоятельство весьма выгодное. Разразись проблятіемъ этой мерзкой похоти и ядовитому пламени, изъ—за которыхъ случаются подобныя несчастія, а затѣмъ обратись весь въ похвалу любви чистой и непорочной, которою души, обогащенныя познаніями и добродѣтелію, бываютъ соединены прекраснымъ образомъ съ разумомъ посредствомъ философіи, и не только избѣгаютъ смерти, но и наслаждаются блаженнѣйшею жизнію.—Послѣ этого онъ, молча и долго оставаясь въ раздумьи, вышелъ покачавъ головою.

Затѣмъ всталъ и я, и, вознесши къ Богу обычныя молитвы, мы пошли въ бани. Это мѣсто, когда, по причинѣ пасмурной погоды, мы не могли находиться въ полѣ, было удобнымъ и обычнымъ мѣстомъ для нашихъ состязаній. И вотъ предъ самыми дверьми мы увидѣли пѣтуховъ, вступившихъ въ чрезвычайно жаркіи бой. Захотѣлось намъ посмотреть. Ибо на чемъ только не останавливаются, гдѣ только не бродятъ взоры любителей въ ожиданіи, не укажетъ ли имъ гдѣ-нибудь на что красота разума, распоряжающагося и управляющаго всѣмъ вѣдомо и невѣдомо,—та красота, которая влечетъ къ себѣ жаждущихъ ея читателей, гдѣ бы и какимъ бы путемъ ни повелѣвала она имъ искать себя? Ибо откуда и гдѣ не можетъ она дать знака о себѣ? Такъ и въ этихъ самыхъ пѣтуховъ стоило посмотреть на вытянутыя впередъ головы, на растопыренныя на головахъ и шняхъ перья, ожесточенные удары, на предумыслительныя увертки; да и вообще, какъ въ каждомъ движеніи этихъ, лишенныхъ разума, тварей не было ничего некрасиваго, такъ какъ всѣмъ управлялъ иной разумъ, свѣше. Стоило, затѣмъ, посмотреть и на законъ побѣдите-

ля, на его гордое пѣніе и на членовъ (*куриного рода*), собранныхъ въ своего рода кружокъ, точно въ показаніе власти; знакомъ же побѣжденнаго служили выщипанныя съ шеи перья, въ голосъ и движенія ихъ все безобразное, но тѣмъ самымъ, не знаю какъ, съ законами природы согласное и, потому, красивое.

Много вопросовъ приходило намъ на мысль. Почему такъ дѣлають всё? Почему именно — ради господствованія надъ подлежащими ихъ власти женщинами? Почему, далѣе, намъ, и помимо подобнаго соображенія, самый видъ боя доставлялъ удовольствіе? Что есть въ насъ такое, что ищетъ многого, отъ чувствъ далекаго? Что опять такое, что дается намъ этими именно чувствами? Мы говорили себѣ: гдѣ нѣтъ закона? Гдѣ власть принадлежитъ не лучшему? Гдѣ нѣтъ отображенія неизмѣннаго порядка вещей? Гдѣ нѣтъ отблеска истиннѣйшей красоты? Гдѣ нѣтъ мѣры? Но вспомнивъ при этомъ, что должна быть мѣра и нашему зрѣлищу, мы отправились туда, куда предположили. Здѣсь, по мѣрѣ возможности, весьма прилежно занялись мы собраніемъ всѣхъ отрывочныхъ записей состязанія въ эту часть книги (пбо все это было на свѣжей памяти, и столь важныя вещи еще не успѣли ускользнуть изъ памяти трехъ, преданныхъ науцѣ). Въ видахъ сбереженія здоровья, въ этотъ день я другаго ничего не сдѣлалъ, какъ только предъ ужиномъ выслушалъ, по заведенному обыкновенію, половину книги *Виргилія*, потому что въ своихъ занятіяхъ мы ничего такъ внимательно не наблюдаемъ какъ мѣру. Ибо не одобрять ее никто не можетъ; но чувствовать ее, когда кто занятъ чѣмъ нибудь серьезно, дѣло весьма трудное и рѣдкое.

СОСТЯЗАНИЕ ВТОРОЕ.

ГЛАВА IX.

Порядокъ есть вождь къ Богу.

На другой день весьма рано мы живо собрались въ свое обычное мѣсто и усѣлись въ немъ. И когда они оба обратили на меня свои взоры, я сказалъ: Побудь здѣсь, Лиценцій, сколько можешь, а также и ты, Тригелій; потому что дѣло идетъ о предметѣ не маловажномъ,—мы разсуждаемъ о порядкѣ. Къ чему мнѣ, впрочемъ, пространно и цвѣтисто выхвалять предъ вами въ настоящее время порядокъ, точно бы я находился въ той школѣ, выходу изъ которой по какому бы тамъ ни было случаю я радуюсь? Слушайте, если хотите, даже дѣлайте, какъ хотите, но другой похвалы порядку, ни болѣе краткой, ни болѣе, на мой взглядъ истинной, сказать нельзя. Порядокъ есть то, что если мы будемъ его держаться въ своей жизни, приведетъ насъ къ Богу, а если не будемъ держаться, не придемъ къ Богу. Но если мои чувства не обманываютъ меня относительно васъ, для насъ уже дѣло предрѣшенное и мы надѣмся, что достигнемъ Бога. Поэтому вопросъ о первомъ мы должны разсмотрѣть и разрѣшить самымъ внимательнымъ образомъ. Желалъ бы я, чтобы при этомъ находились и остальные, которые обыкновенно принимаютъ съ нами участіе въ подобныхъ занятіяхъ. Желалъ бы я, если бы то было возможно, чтобы не только они, но и всѣ наши друзья, способностямъ коихъ я всегда удивляюсь, присутствовали здѣсь съ такимъ-же вниманіемъ, какъ и вы,—или по крайней мѣрѣ только Зиновій, который постоянно этого добивался, но котораго я, въ виду обширности предмета, никогда не имѣлъ досуга удовлетворить. Но поелику моему желанію не суждено осуществиться, то пусть они читаютъ наши за-

писи, такъ какъ мы уже рѣшими не терять ни одного слова изъ своихъ разсужденій объ этомъ предметѣ, и заключать какъ бы въ оковы письмени ускользящія изъ памяти вещи, съ цѣлю приводить ихъ снова на память. Этого, быть можетъ, требуетъ и самый порядокъ, устроившій ихъ отсутствіе. Ибо и въ такомъ великомъ дѣлѣ, въ виду того, что на насъ однихъ возложена обязанность выполнить его, безъ сомнѣнія, употребите наибольшее напряженіе духа; и когда они, составляющіе для насъ предметъ величайшихъ заботъ, прочитавши, найдутъ какой—нибудь поводъ къ возраженіямъ; то тогда настоящее состязаніе наше дастъ случай къ новымъ состязаніямъ и въ самомъ этомъ преемствѣ бесѣды выдѣлится будетъ свой наставляющій порядокъ. Но теперь, насколько позволяютъ обстоятельства, я буду, какъ общалъ Лиценцію, возражать ему, хотя онъ почти уже довелъ до конца все дѣло, если только можетъ оградить его твердою и прочною стѣною защиты.

ГЛАВА X.

Что такое порядокъ. Что въ юношахъ, занимающихся науками, должно обуздывать движенія зависти и пустаго тщеславія.

Послѣ того, замѣтивъ по молчанію, выраженію лицъ, глазамъ и неподвижности и спокойствію членовъ, что они достаточно возбуждены возвышенностію предмета и одушевлены желаніемъ слушать, я сказалъ: Итакъ, Лиценцій, если хочешь, собери всѣ, какія только можешь, силы, напряги всю, какую имѣешь, проницательность и опредѣли, что такое порядокъ.—Услышавъ, что его приглашаютъ сдѣлать опредѣленіе, онъ перепугался, точно окаченный холодною водою, и, глядя на меня съ весьма смущеннымъ выраженіемъ лица и улыбаясь (какъ это случается) отъ этого

смятенія, сказалъ: Что это значить? Чѣмъ ты воображаешь меня? или не думаешь ли, что я на самомъ дѣлѣ вдохновленъ какимъ-то пришлымъ духомъ? Но, тотчасъ оправившись, промолвилъ: А можетъ быть, со мною и дѣйствительно творится что нибудь. Затѣмъ, сказалъ гораздо бодрѣ: Порядокъ есть то, посредствомъ чего совершается все, что постановилъ Богъ.

А не представляется ли тебѣ, спрашиваю, что и самъ Богъ дѣйствуетъ на основаніи порядка? — Совершенно такъ, отвѣчалъ онъ. — Значить, возразилъ Тригецій, порядкомъ управляется и Богъ? — На это онъ отвѣчалъ: А развѣ ты отрицаешь Божество Христа, который и пришелъ къ намъ во исполненіе порядка, и который говоритъ о Себѣ, что посланъ отъ Бога Отца? А если Богъ послалъ къ намъ Христа во исполненіе порядка, и если мы не отрицаемъ, что Христосъ есть Богъ, то Богъ не только управляетъ всѣмъ въ порядкѣ, но и Самъ управляется порядкомъ. — Не знаю, сказалъ при этомъ въ перебивъ Тригецій, какъ могу я принять это. Послику, при имени Богъ на умъ, такъ сказать, приходитъ не Христосъ, но Богъ Отецъ; Христосъ же — при имени Сынъ Божій. — Прекрасно дѣлаешь, замѣтилъ Лиценцій: значить, мы должны отрицать, что Сынъ Божій — Богъ? — Хотя Тригецію и представлялось опаснымъ отвѣчать на этотъ вопросъ, тѣмъ не менѣе онъ принудилъ себя и сказалъ: И Онъ, конечно, Богъ, но въ собственномъ смыслѣ мы называемъ Богомъ Отца. — Одумайся, прервалъ я его. Въдѣ и Сынъ не въ переносномъ смыслѣ называется Богомъ. — И когда, движимый благоговѣніемъ, онъ не захотѣлъ, чтобы послѣднія слова его были записаны, Лиценцій, по ребяческому ли обычаю, или же по обычаю всѣхъ почти людей, въ виду нелѣпости сказаннаго, сталъ настаивать, чтобы слова эти были записаны непремѣнно, какъ будто между нами дѣло шло изъ за тщеславія. Когда же я въ очень строгихъ

выраженіяхъ высказалъ порицаніе такому движенію его души, онъ покраснѣлъ отъ стыда; между тѣмъ я замѣтилъ, что Тригеція это смущеніе разсмѣшило и развеселило. Тогда я, сказалъ имъ обоимъ: Такъ вы такъ дѣлаете? Неужели не беспокоитъ васъ, что громоздите на себя такую массу пороковъ и покрываете себя такимъ мракомъ невѣжества? Неужели такова была ваша передъ этимъ преданность Богу и истинѣ, которой я, неразумный, радовался? О, если бы вы видѣли, хотя бы и такими больными глазами, какъ я, въ какія опасности повергаемся мы и какой недугъ безумія означаетъ этотъ смѣхъ! О, если бы вы знали, какъ скоро и какъ надолго этотъ смѣхъ превратится для васъ въ плачъ! Несчастные, вы не понимаете, гдѣ мы находимся! Быть погрязшими, конечно, общая участь душъ людей глухихъ и неученыхъ; но мудрость не одинаково вѣдъ погрязшимъ подаетъ руку и помощь. Повѣрьте, есть такія, которыя воззываются ею кверху, и есть такія, которыя оставляются уходить въ бездну. Не удвойте же, умоляю васъ, моего несчастья. Достаточно для меня и своихъ ранъ, и хотя я каждодневно со слезами молю Бога, дабы Онъ уврачевалъ ихъ, но часто и самъ убѣждаюсь, что я не настолько достоинъ, чтобы выздоровѣть такъ скоро, какъ хочется мнѣ. Прошу васъ, если вы хоть сколько нибудь обязаны мнѣ чувствомъ любви, или дружбы, если понимаете, какъ я люблю васъ, какъ много дѣлаю для васъ, какихъ тревогъ стоитъ мнѣ забота о вашей нравственности, если я достоинъ того, чтобы вы не пренебрегали мною, если, наконецъ, я не лгу, въ чемъ свидѣтель Богъ, что я ничего не желаю для себя большаго, чѣмъ для васъ,—прошу васъ—воздайте мнѣ добромъ за добро. И если вы называете меня своимъ учителемъ искренно, вознаградите меня: будьте добрыми.

При этомъ слезы помѣшали мнѣ говорить больше. Тогда Лиценцій, крайне раздосадованный, что все записыва-

лось, говорить: Скажи, пожалуйста, что такое сдѣлали мы?— Тагъ ты, сказалъ я, еще и не сознаешь своего грѣха? Ты не знаешь, какъ обыкновенно я очень досадовалъ въ школѣ, что дѣти увлекались не пользою и красотою науки, а любовью къ пустѣйшей похвалѣ до такой степени, что нѣкоторые изъ нихъ не стыдились даже говорить урокъ по чужимъ словамъ, и даже (зло достойное сожалѣнія) принимали рукоплесканія отъ тѣхъ самихъ, кому принадлежало то, что они отвѣчали. Хотя вы, полагаю, никогда не дѣлали ничего подобнаго, однако въ область философіи и той жизни, какую, къ удовольствію моему, довелось мнѣ наконецъ проводить, вы вносите и всѣваете самую послѣднюю, но своимъ вредомъ превосходящую всѣ прочія, язву растлѣвающей зависти и пустаго тщеславія. И можетъ быть, изъ-за того, что я отвращаю васъ отъ этой суетности и этого недуга, вы сдѣляетесь лѣнивѣе въ занятіяхъ наукою, и удаленные отъ ядовитаго запаха славы, застынете въ бездѣятельномъ оцѣпенѣніи. Я несчастенъ, если и теперь мнѣ необходимо терпѣть такихъ же людей, которые не могутъ разстаться съ своими пороками, не замѣстивъ ихъ другими.—Ты увидишь на дѣлѣ, сказалъ Лиценцій, какъ мы будемъ исправляться. Только всѣмъ, что ты любишь, умоляемъ тебя—прости насъ и прикажи все это изгладить; но въ то же время сбереги на табличкахъ остальное. Потому что еще ничего изъ того, о чемъ мы разсуждали долго, не переписано въ книги.—Нѣтъ, возразилъ Тригедій, пусть все это остается цѣликомъ въ наше наказаніе, чтобы то самое тщеславіе, которое увлекаетъ насъ, своимъ же бичемъ и отпугивало насъ отъ любви къ нему. Постараемся только съ своей стороны, чтобы эти книги были извѣстны однимъ нашимъ друзьямъ и близкимъ намъ людямъ.—Тотъ согласился.

ГЛАВА XI.

Моника ради пола не должна быть устраняема отъ участія въ философскомъ состязаніи.

Между тѣмъ вошла мать и спросила, какъ далеко подвинулись мы въ рѣшеніи вопроса; такъ какъ вопросъ былъ извѣстенъ и ей. Когда я приказалъ записать, по обыкновенію, о ея приходѣ и сдѣланномъ ею вопросѣ, она сказала: Зачѣмъ вы это дѣлаете? Развѣ слышала я когда нибудь изъ тѣхъ книгъ, которыя вы читаете, чтобы женщины были допускаемы къ подобнаго рода состязанію?—Я не обращаю много вниманія, сказалъ я ей, на сужденіе людей гордыхъ и невѣжественныхъ, которые одинаково поступаютъ при чтеніи книгъ и при привѣтствованіи людей. Они думаютъ не о томъ, каковы они сами по себѣ эти люди, а о томъ, въ какія одежды одѣты и какою пышностію богатствъ и фортуны блистаютъ. А въ книгахъ они мало обращаютъ вниманія на то, откуда возникаетъ вопросъ, какимъ путемъ разсуждающіе стараются достигнуть его разрѣшенія, что, наконецъ, этими послѣдними уяснено и разрѣшено. Встрѣчаются, конечно, между ними и такіе, души коихъ не должны быть презираемы, такъ какъ носятъ въ себѣ зачатки образованности и легко вводятся чрезъ золотыя и изукрашенные двери въ святилище философіи; но для такихъ достаточно сдѣлано нашими предками, книги которыхъ, полагаю, тебѣ изъ нашего чтенія извѣстны. И въ настоящее время,—не говоря о другихъ,—Θеодоръ, и по дарованіямъ, и по краснорѣчію, и по самымъ высокимъ дарамъ фортуны, и—что важнѣе всего—по уму, человѣкъ превосходнѣйшій, котораго ты и сама хорошо знаешь, старается о томъ, чтобы и теперь, и послѣ, изъ потомковъ, никто не имѣлъ права жаловаться на литературу нашего времени. Что же касается мо-

ихъ книгъ, то если случится, что кто—нибудь возьметъ ихъ въ руки, и, по прочтеніи моего имени, не спроситъ «кто это такой» и не отодвинетъ книгу, а изъ любопытства или изъ особой любознательности, пренебрегши низостию входа, проникнетъ въ самое ихъ содержаніе: такой не будетъ тяготиться, что я философствую съ тобою, и по всей вѣроятности, не отнесется съ презрѣніемъ къ кому либо изъ тѣхъ, съ кѣмъ я къ нимъ бесѣдую. Ибо собесѣдники мои—люди не только свободные, чего уже достаточно для какой бы то ни было науки, а тѣмъ болѣе для философіи, но и принадлежать къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. А между тѣмъ есть книги ученѣйшихъ людей, которыя представляютъ философствующими даже башмачниковъ и людей еще болѣе низкихъ состояній, которыя одинаковоже сіяли такимъ свѣтомъ ума и добродѣтелей, что ни подъ какимъ видомъ не захотѣли бы, хотя бы и могли, помѣняться своими благами съ какою бы то ни было аристократіею этого рода. Найдется, повѣрь мнѣ, родъ людей, которымъ то, что я философствую съ тобою, понравится гораздо болѣе, чѣмъ еслибы они вострѣтили здѣсь чтонибудь другое, шуточное или серьезное. Ибо у древнихъ философствовали и женщины, а твоя философія мнѣ весьма нравится.

А чтобы тебѣ, мать, не оставалось ничего неизвѣстнымъ, знай, что это греческое слово, служащее именно для философіи, по латынѣ означаетъ любовь къ мудрости. Поэтому и божественныя писанія, конны ты горячо предаана, повелѣваютъ избѣгать и осмѣивать не всѣхъ философовъ, а философовъ *міра сего*. Но что есть другой міръ, недоступный для этихъ глазъ, на который взираетъ лишь разумъ немногихъ здоровыхъ, это показываетъ самъ Христосъ, говоря: *не-царство Мое нсть отъ міра, а-царство Мое нсть отъ міра сего* (Іоан. ХІІІ, 36). Поэтому каждый, кто думаетъ, что избѣгать должно всякой философіи, требуетъ отъ насъ

ничего иного, какъ того, чтобы мы не любили мудрости. Я пренебрегъ бы, конечно, тобою въ своихъ сочиненіяхъ, если бы ты не любила мудрости; но не пренебрегу, если будешь любить хоть нѣсколько, а еще болѣе не пренебрегу, если будешь любить столько же, сколько и я. Но теперь, когда ты любишь ее гораздо больше, чѣмъ меня самого а) я знаю, какъ ты меня любишь), и когда сдѣлала въ ней такіе успѣхи, что тебя уже не страшитъ никакая неблагопріятная случайность, ни даже самая смерть, что и для самыхъ ученѣйшихъ мужей—дѣло весьма трудное и всѣмъ признается верховъ совершенства въ философіи: то не отдамъ ли я охотно и себя самого въ ученики тебѣ?

При этомъ, когда она ласково и скромно замѣтила, что я никогда еще такъ не лгалъ, а самъ я увидѣлъ, что мы говорили такъ много, что если все записать, будетъ достаточно для книги, да и табличекъ болѣе не останется,—я порѣшилъ отложить вопросъ; вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ я нужнымъ поберечь и свой желудокъ. Ибо на него болѣе, чѣмъ я хотѣлъ, повліяло то, что показалось мнѣ необходимымъ высказать моимъ юношамъ. Но когда мы собирались уходить, Лиценцій сказалъ мнѣ: Помни, сколь многое и сколь необходимое, что должны мы получить отъ тебя, доставляется таинственнымъ и божественнымъ порядкомъ, помимо даже твоего вѣдома.—Вижу, промолвилъ я, и не остаюсь неблагодарнымъ Богу, а о васъ, замѣчающихъ это, по тому самому заключаю, что вы станете лучшими.—Это лишь и было моимъ дѣломъ въ тотъ день.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ этой книгѣ содержатся два состязанія, въ которыхъ разговаривающіе, разбирая опредѣленіе порядка, подвергаютъ разсмотрѣнію различные вопросы, именно: Какимъ образомъ мудрый пребываетъ неподвижно съ Богомъ; управляется ли божественнымъ порядкомъ и то, что дѣлается людьми неправо; былъ ли Богъ правосуденъ до начала зла; изъ божественнаго ли порядка произошло зло? Въ заключеніе говорится довольно подробно о порядкѣ въ занятіяхъ наукою, который требуетъ, чтобы по надлежащемъ образованіи нравственномъ и пріобрѣтеніи гуманныхъ познаній, духъ человека приступалъ къ уразумѣнію высшихъ и божественныхъ предметовъ.

Состязаніе первое.

ГЛАВА I.

Подвергается разбору опредѣленіе порядка.

Затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, пришелъ Алипій; случился весьма свѣтлый день; безоблачное небо и пріятная, насколько это возможно въ тѣхъ мѣстахъ зимою, погода расположили насъ спуститься на лужокъ, въ которомъ мы гуляли чаще и съ большимъ удовольствіемъ. Была съ нами и мать наша; дарованія и пламенные стремленія души ея къ божественнымъ предметамъ были мнѣ знакомы изъ продолжительнаго сожительства съ нею и прилежнаго наблюденія; а на одномъ состязаніи о немаловажномъ предметѣ, которое имѣлъ я съ своими учениками въ день моего рожденія и внесъ въ книгу, умъ ея выказался предо мною настолько, что могъ быть признанъ вполне способнымъ къ истинной философіи. Поэтому я рѣшился, когда она окажется свободною, поставить дѣло такъ, чтобы и она уча-

ствовала въ нашемъ разговорѣ. Это тебѣ извѣстно уже изъ первой книги настоящаго сочиненія.

Итакъ, когда мы усѣлись въ упомянутомъ мѣстѣ съ возможнымъ удобствомъ, я сказалъ тѣмъ двумъ юношамъ: Хотя я и разсердился на ваше ребяческое отношеніе къ великимъ предметамъ, однако, по милости Божіей, не безъ порядка, мнѣ кажется, случилось, что на рѣчь, которою я старался отвлечь васъ отъ этого легкомыслія, ушло столько времени, что разсужденіе о столь важномъ предметѣ отложено было до прихода Алипія. Поэтому,—такъ какъ я познакомилъ уже его съ вопросомъ и показалъ, какъ далеко подвинулись мы въ немъ,—готовъ ли ты, Лиценцій, защищать то дѣло, которое ты принялъ на себя вмѣстѣ съ своимъ опредѣленіемъ? Потому что, помнится мнѣ, ты сказалъ, что порядокъ есть то, посредствомъ чего Богъ управляетъ всѣмъ.—Готовъ, говоритъ, насколько есть у меня силъ.—Какъ же, спросилъ я, посредствомъ порядка Богъ управляетъ всѣмъ: такъ ли, что посредствомъ порядка управляетъ и Собою, или чрезъ порядокъ Имъ управляется остальное, за исключеніемъ Его Самого?—Тамъ, отвѣчалъ онъ, гдѣ все—добро, порядка не существуетъ. Тамъ—высшее равенство, которое въ порядкѣ не нуждается нисколько.—А развѣ ты, говорю я, отрицаешь, что у Бога все—добро? — Нѣтъ, не отрицаю, отвѣчалъ онъ.—Значить, ни Богъ и ни что у Бога порядкомъ не управляются?—Да, согласился онъ.—Такъ неужели все доброе, по твоему мнѣнію, ничто? — Напротивъ, оно—самая сущность.—Въ такомъ случаѣ, гдѣ же то, сказанное тобою, что все сущее управляется порядкомъ и что не существуетъ рѣшительно ничего, что было бы внѣ порядка?—Но, сказалъ онъ, существуетъ еще зло, вслѣдствіе котораго и произошло то, что порядокъ обнимаетъ собою и добро. Потому что порядкомъ управляется не одно добро, но добро и зло вмѣстѣ. Когда же мы говоримъ—все, то ни-

какъ не разумѣемъ одно только добро. Отсюда все въ совокупности, чѣмъ управляетъ Богъ, управляется порядкомъ.

На это я ему сказалъ: Какъ по твоemu мнѣнію — движется ли то, что управляется, или же ты считаешь его неподвижнымъ? — То, что совершается въ этомъ мірѣ, отвѣчалъ онъ, по моему мнѣнію, движется. — А остальное, спрашиваю, нѣтъ? — Что съ Богомъ существуетъ, говоритъ онъ, то не движется; все же остальное, по моему мнѣнію, движется. — Итакъ, говорю, полагая, что существующее съ Богомъ не движется а остальное движется, ты тѣмъ самымъ даешь понять, что все, находящееся въ движеніи, съ Богомъ не существуетъ. — Повтори, сказалъ онъ, это самое пояснѣе. — Онъ пожелалъ, чтобы я это сдѣлалъ, какъ мнѣ показалось, не вслѣдствіе трудности понять мой вопросъ, а желая протянуть время, чтобы найдтись что отвѣтить. Ты сказалъ, говорю я, что существующее съ Богомъ не движется; все же остальное движется. Слѣдовательно, если то, что движется, не двигалось бы, еслибы находилось съ Богомъ; поелику во всемъ, находящемся съ Богомъ, движеніе ты отрицаешь: то получается такой выводъ, что все движущееся существуетъ безъ Бога — Послѣ этихъ словъ онъ еще нѣсколько времени молчалъ. Но наконецъ сказалъ: Мнѣ кажется, что если и въ этомъ мірѣ что-либо не движется, оно существуетъ съ Богомъ. — Это, говорю, не имѣетъ для меня никакого значенія. Ибо ты, думаю, признаешь, что существующее въ этомъ мірѣ не все не движется. Отсюда слѣдуетъ, что не все въ этомъ мірѣ существуетъ съ Богомъ. — Да, говоритъ, не все. — Значить, нѣчто существуетъ безъ Бога. — Не согласенъ, говоритъ. — Въ такомъ случаѣ — все существуетъ съ Богомъ. — Я, сказалъ онъ долго подумавъ, не говорилъ того, чтобы безъ Бога не существовало ничего; ибо рѣшительно все движущееся, по моему мнѣнію, съ Богомъ не существуетъ. — Значить, говорю я, это небо существуетъ безъ Бога, потому

что движенія его не оспариваетъ никто.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, оно не безъ Бога.—Значить, съ Богомъ существуетъ и нѣчто такое, что движется. — Не могу, какъ хотѣлъ бы, сказать онъ, выяснитъ свою мысль; и потому прошу, не ожидая моихъ словъ, если можете, чутьемъ догадываться о томъ, что я сплюсь сказать. Мнѣ думается, съ одной стороны, что безъ Бога не существуетъ ничего, а съ другой, что существующее съ Богомъ остается неподвижнымъ. Тѣмъ не менѣе я не могу сказать, чтобы небо было безъ Бога. Не могу этого сказать не только потому, что безъ Бога, какъ думаю, ничего не существуетъ, но и потому, что считаю небо имѣющимъ нѣчто неподвижное; это—или Богъ, или нѣчто съ Богомъ существующее; хотя само по себѣ небо несомнѣнно вращается и движется.

ГЛАВА II.

Что такое—быть съ Богомъ. Какимъ образомъ мудрый пребываетъ неподвижнымъ съ Богомъ.

Опредѣли же, говорю, если угодно, что значить быть съ Богомъ и не быть безъ Бога? Ибо, если между нами возникаетъ споръ изъ за словъ, то мы легко прекратимъ его, какъ только мы увидимъ самый предметъ, который ты представляешь своимъ умомъ.—Я, сказалъ онъ, ненавижу опредѣленія.—Такъ что же намъ дѣлать?—Опредѣляй, говорить, самъ. Ибо для меня легче видѣть, что не заслуживаетъ моего одобренія въ опредѣленія другаго, чѣмъ самому объяснять что бы-то ни-было посредствомъ хорошаго опредѣленія.—Изволь, сказалъ я. Представляется ли тебѣ существующимъ съ Богомъ то, что Имъ управляется?—Этого, говорить, я не разумѣлъ, когда говорилъ, что съ Богомъ существуетъ то, что не движется.—Смотри же говорю, правится ли тебѣ, по крайней мѣрѣ, такое опредѣленіе: съ Богомъ существуетъ все то, что разумѣть Бога?—Съ этимъ,

говорить, я согласенъ.—Такъ что же, спрашиваю я, мудрый тебѣ не кажется разумѣющимъ Бога?—Кажется такимъ, отвѣчаетъ онъ.—Но поелику мудрые могутъ находиться въ движеніи не только въ одномъ домѣ или городѣ, а и совершая сушею и водою путешествія по громаднымъ пространствамъ, то, спрашивается, какимъ образомъ будетъ истиннымъ положеніе, что все, существующее съ Богомъ, не движется?—Ты заставляешь меня смѣяться, отвѣчалъ онъ; какъ будто, по моимъ словамъ, съ Богомъ существуетъ то, что мудрый дѣлаетъ! Съ Богомъ—только то, что онъ знаетъ.—А развѣ, говорю, мудрый не знаетъ своихъ книгъ, мантии, туники, своего скарба, буде онъ его имѣетъ, и прочаго въ этомъ родѣ, что хорошо знаютъ и глупые?—Полагаю, говорить, что знать тунику и знать мантию не значитъ быть съ Богомъ.

Итакъ, сказалъ я, не все то, по твоимъ словамъ, существуетъ съ Богомъ, что знаетъ мудрый; но что только существуетъ съ Богомъ мудраго, то мудрый знаетъ.—Именно такъ, сказалъ онъ: съ Богомъ существуетъ не то, что знаетъ мудрый при помощи чувствъ, а то лишь, что уразумѣваетъ онъ духомъ. Больше сказать, быть можетъ, будетъ уже смѣлостію, однако я скажу: ваше, оцѣнщики, дѣло подтвердить или вразумить меня, — именно: всякій, кто знаетъ то лишь одно, чего касаются чувства, по моему мнѣнію, не существуетъ не только съ Богомъ, но и съ самимъ собою.—Замѣтивъ при этомъ по выраженію лица Тригедія, что онъ будто хочетъ что-то сказать, но по скромности воздерживается, опасаясь взять на себя не свое, я, при наступившемъ молчаніи Лиценція, предоставилъ ему высказать, что онъ желалъ.—Что касается, сказалъ онъ, тѣлесныхъ чувствъ, этого, мнѣ кажется, не знаетъ рѣшительно никто. Иное дѣло чувствовать, и иное—знать. Поэтому, если мы знаемъ что—нибудь, то это что—нибудь, по моему

мнѣнію, содержится единственно въ умѣ и постигается имъ однимъ. Отсюда, если съ Богомъ существуетъ то, что мудрый знаетъ при помощи ума, то все, что знаетъ мудрый, все это можетъ быть съ Богомъ.—Мнѣніе это одобрилъ и Лиценцій, присовокупивши съ своей стороны и нѣчто другое, на что я ни въ какомъ случаѣ не могъ не обратить вниманія.—Мудрый, сказалъ онъ, несомнѣнно существуетъ съ Богомъ, ибо онъ знаетъ и самого себя. Это вытекаетъ одинаково какъ изъ того, что я отъ тебя слышалъ, именно: съ Богомъ—то, что разумѣть Бога, такъ и изъ того, что сказано нами, именно: то—съ Богомъ, что постигаетъ мудрый. Но, признаюсь, не знаю и я той стороны мудраго, посредствомъ которой онъ пользуется тѣлесными чувствами (полагаю, что мы не обязаны принимать ее въ расчетъ, когда говоримъ о мудромъ), и рѣшительно не догадываюсь, какого она рода.

Итакъ, сказалъ я, ты отрицаешь не только то, что мудрый состоитъ изъ тѣла и души, но и то, что онъ состоитъ изъ полной души; хотя было бы безуміемъ — отрицать принадлежность душѣ той стороны, которая пользуется чувствами. Чувствуютъ вѣдь не самые глаза, или уши, а нѣчто другое. И если это чувство не приписать уму, то оно не можетъ быть приписано и никакой другой части души. Остается развѣ приписать его тѣлу; но нелѣпѣ этого, по моему мнѣнію, нельзя ничего сказать.—Душа мудраго, сказалъ онъ, очищенная добродѣтелями и уже соединенная съ Богомъ, достойна и названія мудрой, — другого въ ней ничего нельзя называть мудрымъ; но при этомъ, однакоже, тотъ, такъ сказать, трауръ и тѣ грязныя одежды, отъ которыхъ такая душа очистилась и какъ бы ушла въ себя саму, продолжаютъ еще служить ей. Если и это все должно быть названо душею, то оно конечно находится въ услуженіи и подчиненіи у той части души, которую един-

ственно прилично называть мудрою. Полагаю, что въ этой подчиненной части обитаетъ и память. Такимъ образомъ, мудрый пользуется этою частію души, какъ бы рабою, повелѣвая ей и указывая ей, какъ покоренной и подчиненной, такія границы закона, чтобы она не осмѣливалась превозноситься или гордиться передъ господиномъ, пользуясь тѣми чувствами, которыя необходимы не мудрому, а ей же самой, или беспорядочно и неумѣренно пользоваться и тѣмъ самымъ, что принадлежитъ ей самой. Къ этой низшей части относятся и то, что преходяще. А для чего нужна память, какъ не для того, что преходить и какъ бы убѣгаетъ? Мудрый же объемлетъ Бога; онъ наслаждается Тѣмъ, Кто всегда пребываетъ, Кого не ждуть, чтобы Онъ былъ, не страшатся, что Его не будетъ, но Кто потому самому истинно сущій, что пребываетъ всегда. Но будучи неподвижнымъ и въ себѣ самомъ пребывая, мудрый до нѣкоторой степени заботится и о собственности своего раба, дабы и бдительный рабъ надлежащимъ образомъ пользовался этою собственностію, какъ плодомъ, и бережно охранялъ ее.

Обсуждая съ удивленіемъ это его мнѣніе, я припомнилъ, что когда то я самъ кратко высказалъ тоже самое въ присутствіи Лиценція. —Благодари, Лиценцій, улыбаясь сказалъ я, этого слугу твоего: не приготовь онъ для тебя кое-чего изъ своего собственного запаса, ты теперь, можешь быть, не имѣлъ бы что и сказать. Ибо, хотя память принадлежитъ той части души, которая отдаетъ себя, какъ слугу, подъ управленіе здраваго ума, однако теперь повѣрь мнѣ, именно она помогла тебѣ высказать это. И я, прежде чѣмъ перейдти опять къ разсужденію о порядкѣ, спрашиваю тебя, не нужна ли, по твоему мнѣнію, мудрому память по крайней мѣрѣ для такихъ, т. е. почетныхъ и необходимыхъ, научныхъ занятій?—Зачѣмъ, говорить, мудрому нужна будетъ память, когда всѣ предметы его позна-

нія находятся у него на лицо? Вѣдь въ помощи памяти не нуждаются и самыя чувства, когда что нибудь находится предъ нашими глазами. Тѣмъ болѣе для мудраго, у котораго все находится предъ внутренними очами его разума, который т. е. созерцаетъ постоянно и неизмѣнно самого Бога, какая нужда въ памяти? А если я нуждаюсь въ памяти для удержанія того, что слышалъ отъ тебя, то, значить, я еще не господинъ этой рабы, но пока самъ служу ей, хотя боюсь, чтобы не служить ей, и какъ бы пытаюсь освободиться отъ нея. И если случается, что иногда я повелѣваю надъ нею, а она мнѣ повинуется и часто заставляетъ меня думать, что я уже побѣдилъ ее; то въ иныхъ случаяхъ она опять такъ поднимаетъ свою голову, что я несчастный повергаюсь къ ногамъ ея. Поэтому-то, когда говоримъ мы о мудромъ, я не хочу, чтобы ты разумѣлъ меня. — Да и меня, сказалъ я. Но, впрочемъ, неужели мудрый можетъ бросить друзей своихъ и, доколѣ дѣйствуетъ еще его тѣло, въ которомъ онъ содержитъ этого раба связаннымъ узами его закона, неужели перестанетъ оказывать, кому можетъ, благодѣянія, въ особенности же учить самой мудрости, чего отъ него ожидаютъ особенно сильно? А желая быть учителемъ какимъ слѣдуетъ, а не негоднымъ, онъ часто prepares кое-что заранѣе, о чемъ, по напередъ составленному плану, говорить потомъ и разсуждаетъ, — что необходимо исчезло бы изъ его мысли, если бы онъ не ввѣрилъ его памяти. Такимъ образомъ, ты долженъ или отвергнуть въ мудромъ долгъ доброжелательства, или признать, что и онъ хранить кое-что памятью. А если нѣчто изъ своего богатства, необходимое положимъ не для него самого, а для его друзей, онъ повелѣваетъ хранить памяти, то возможное ли дѣло, чтобы она, какъ вѣрный и послушный распоряженіямъ господина рабъ, не сохранила того, если ужъ не ради приведенія глухихъ къ мудрости, то ради того, что ей это при-

казано хранить?—По моему мнѣнію, сказалъ онъ, мудрый не ввѣряетъ памяти рѣшительно ничего, поелику онъ всегда твердо держится въ Богѣ, и когда молчитъ, и когда говоритъ съ людьми. Но его память, этотъ уже хорошо приученный рабъ, прилежно хранитъ то, чѣмъ могла бы иногда служить своему господину при его состязаніяхъ и тѣмъ выполнить свой признательный долгъ къ тому, подъ властью котораго живетъ она. И это ею дѣлается не по какому нибудь соображенію, а въ силу высшаго закона и высшаго порядка.—Въ настоящее время, замѣтилъ я, я оставляю твои разсужденія безъ возраженій, чтобы поскорѣе перейти къ продолженію начатаго. Но въ другое время мы поговоримъ объ этомъ предметѣ обстоятельнѣе (ибо предметъ этотъ немаловажный и не можетъ довольствоваться столь короткою рѣчью о немъ), если самъ Богъ укажетъ къ тому благоприятный случай.

ГЛАВА III.

Существуетъ ли съ Богомъ глупость.

Итакъ мы опредѣлили, что значить быть съ Богомъ. И когда мною высказано было, что съ Богомъ—то, что разумѣетъ Бога, вы прибавили нѣчто больше, именно—съ Богомъ, сказали вы, то, что разумѣетъ мудрый. Въ этомъ случаѣ меня сильно поразило то обстоятельство, какимъ образомъ поставили вы съ Богомъ неожиданно и глупость. Ибо, если съ Богомъ существуетъ все то, что разумѣетъ мудрый, а мудрый не можетъ избѣжать глупости иначе, какъ понявши ее: то съ Богомъ будетъ и эта зараза, хотя сказать такъ и грѣшно.—Когда, встревоженные этимъ заключеніемъ, они нѣкоторое время оставались въ молчаніи, Тригедій сказалъ: пусть на это отвѣчаетъ тотъ, прибытіе котораго къ настоящему состязанію, случившееся такъ кстати,

мы, думаю, привѣтствовали не напрасно.—Помилуй Богъ, отвѣчалъ на это Алипій; неужели мнѣ суждено было хранить свое, такъ для меня дорогое, молчаніе только до сихъ поръ? Да, покой мой нарушенъ. Но какъ бы то ни было, я постараюсь теперь отвѣтить на этотъ вопросъ, если заручусь на будущее время и вы мнѣ пообщаете, что болѣе этого отвѣта ничего отъ меня не потребуете.—Не къ лицу твоей доброжелательности и твоему великодушію, Алипій, замѣтилъ я, отказываться подавать свое мнѣніе въ нашемъ разговорѣ,—мнѣніе, при томъ, весьма нами желательное. Впрочемъ, сдѣлай то, что предположилъ; остальное произойдетъ такъ, какъ укажетъ то самый порядокъ. То правда, отвѣчалъ онъ, что я долженъ ожидать лучшаго отъ порядка, въ подтвержденіе котораго, между прочимъ, вы меня выставили. Если не ошибаюсь, по твоему заключенію вышло, что они представляютъ себѣ глупость соединенною съ Богомъ именно потому, что сказали, что все, что разумѣть мудрый, существуетъ съ Богомъ. Въ какой степени послѣднее положеніе должно быть принято, я говорить теперь не буду; обрати нѣсколько вниманіе на самое свое заключеніе. Съ Богомъ, сказалъ ты, существуетъ все то, что мудрый разумѣть, а мудрый-де не можетъ избѣжать глупости, не уразумѣвъ ея.— Но вѣдь дѣло ясное, что никто не можетъ быть удостоенъ имени мудраго прежде, чѣмъ избѣжитъ глупости. Далѣе, сказано, что съ Богомъ существуетъ то, что мудрый разумѣть. Поэтому, если кто-нибудь постигаетъ глупость, чтобы избѣжать глупости, то онъ еще не мудръ. Когда же онъ сдѣлается мудрымъ, тогда уже глупость не должна быть причисляема къ тому, что онъ разумѣть. На этомъ основаніи, поелику съ Богомъ соединено то, что разумѣть уже мудрый, будетъ правильно, если мы устранимъ отъ Бога глупость.

Ты, Алипій, сказалъ я, отвѣчалъ по обыкновенію остроумно, но отвѣчалъ такъ, какъ естественно отвѣчать понавшему въ чужое затруднительное положеніе. Въ подобномъ положеніи, такъ какъ ты, думаю, не откажешься побыть пока глупымъ со мною, что сдѣлали бы мы, встрѣтивши такого мудреца, который бы взялся охотно освободить насъ отъ этой бѣды путемъ наученія и состязанія? Мнѣ думается, я съ своей стороны попросилъ бы его прежде всего—показать мнѣ, что такое глупость, почему и какого рода она бываетъ. Потому что—не знаю, какъ тебя, а меня глупость настолько и дотошъ задерживаетъ собою, насколько и докошъ я не уразумѣю ея. Итакъ, держась твоего мнѣнія, этотъ мудрецъ долженъ бы сказать намъ слѣдующее: «съ своими вопросами вамъ слѣдовало бы обратиться ко мнѣ въ то время, когда я былъ глупъ; теперь же вы только сами и можете быть для себя учителями: ибо я уже не понимаю глупости». Получивъ отъ него подобный отвѣтъ, я не задумываясь попросилъ бы его пристать къ нашему обществу, и вмѣстѣ съ нами поискать иного учителя. Ибо хотя я и не вполне понимаю глупость, тѣмъ не менѣе, на мой взглядъ, глупѣе подобнаго отвѣта не можетъ быть ничего. Но, быть можетъ, ему стыдно будетъ и оставить насъ безо всего, и слѣдовать за нами. Въ такомъ случаѣ онъ вступитъ съ нами въ состязаніе и распространится о злополучіяхъ глупости. А мы, въ ожиданіи добра для себя, будемъ внимательно слушать человѣка, не знающаго, что онъ говоритъ; или будемъ думать, что онъ знаетъ то, чего не понимаетъ; или наконецъ—что глупость соединена и съ Богомъ, согласно съ мнѣніемъ тѣхъ, которыхъ ты взялся защищать. Первыхъ двухъ положеній, по моему мнѣнію, нельзя защитить никакимъ образомъ; остается, значить, послѣднее, хотя оно и не нравится вамъ.—Я, сказалъ онъ, никогда не считалъ тебя человѣкомъ злымъ. И теперь, оставаясь вполне непоколеби-

МЫМЪ ВЪ СВОЕМЪ УМОЗАКЛЮЧЕНІИ, ТЫ ЗАСТАВЛЯЕШЬ МЕНЯ ТОЛЬКО,--буде я взялъ какое нибудь вознагражденіе за защиту тѣхъ, кого, по твоему выраженію, принялъ подъ эту защиту,—возвратить имъ взятое назадъ. Въ такомъ случаѣ пусть они будутъ довольны уже тѣмъ, что, занявшись съ тобою, я далъ имъ не мало времени для размышленія; а еслибы захотѣли послѣдовать совѣту своего, безъ всякой съ его стороны вины побѣжденнаго адвоката,—пусть на этотъ разъ уступятъ тебѣ, а на будущее время будутъ осторожныѣе.

Я не пренебрегу, сказалъ я, тѣмъ, что, во время твоей защиты, сильно порывался сказать Тригедій, и сдѣлаю это съ твоего позволенія: быть можетъ, недавно принявши участіе въ этомъ дѣлѣ, ты не достаточно познакомился съ нимъ; а потому, оставивъ въ сторонѣ твою защиту, я какъ и прежде, терпѣливо выслушаю отъ нихъ самихъ ихъ мнѣнія по этому предмету.—Принимайте, какъ хотите, мои слова, сказалъ Тригедій (Лиценція совѣмъ не было), и смѣйтесь надъ моею глупостью; но мнѣ кажется, что того не слѣдуетъ называть умомъ, чѣмъ воспринимается глупость, представляющая собою единственную и главнѣйшую причину неразумія.—Не могу, сказалъ я, отказаться отъ принятія твоего мнѣнія. Правда, меня сильно озадачиваетъ мнѣніе Алипія, именно: какимъ образомъ можетъ кто-нибудь учить правильно о томъ, каковъ извѣстный предметъ, котораго онъ не понимаетъ, и какой вредъ уму можетъ причинить то, чего никто не видитъ умомъ; взвѣсивая это, онъ поопасался сказать то, что сказалъ ты, такъ какъ это мнѣніе было извѣстно ему и изъ книгъ мужей ученыхъ. Однако обращая вниманіе на чувство тѣлесное, и принимая въ соображеніе съ одной стороны, что этимъ же чувствомъ пользуется душа, а съ другой, что сама душа единственно и идетъ въ нѣкоторое сравненіе съ умомъ, я прихожу къ заключенію, что никто не можетъ видѣть тьмы. Отсюда, если

для ума понимать тоже, что для чувства видѣть, и если тьмы видѣть не можетъ никто, хотя бы глаза его были открыты, здоровы и чисты: то нѣтъ ничего нелѣпаго сказать, что глупость не можетъ быть понимаема; такъ какъ подъ глупостію мы разумѣемъ ничто иное, какъ угнетенную тьму. Послѣ этого меня не смутить уже и вопросъ о томъ, какимъ образомъ возможно избѣжать глупости, не понимая ея. Ибо какъ глазами избѣгаемъ мы тьмы потому, что намъ не хочется не видѣть; такъ точно и тотъ, кто желаетъ избѣжать глупости, не глупость старается понять, а скорбѣть, что вслѣдствіе глупости не понимаетъ того, что можетъ быть понимаемо, и чувствуетъ въ себѣ присутствіе глупости не поколику понимаетъ ее саму, а поколику мало понимаетъ предметы сторонніе.

ГЛАВА IV.

Въ порядкъ ли человекъ дѣлаетъ то, что дѣлаетъ дурно. Зло, приведенное въ порядокъ, служитъ къ украшенію вселенной.

Но возвратимся къ порядку, чтобы намъ возвратить къ себѣ наконецъ Лиценцію снова. Спрашиваю васъ, въ силу ли порядка, по мнѣнію вашему, поступаетъ глупый во всемъ, что ни дѣлаетъ? Но обратите вниманіе, какъ можетъ связать васъ этотъ вопросъ. Если скажете, что онъ поступаетъ въ силу порядка, то гдѣ будетъ ваше опредѣленіе, что порядокъ есть то, посредствомъ чего Богъ управляетъ всѣмъ существующимъ, если и глупый въ своихъ дѣйствіяхъ поступаетъ согласно порядку? Если же, напротивъ, скажете, что въ дѣйствіяхъ глупаго порядка нѣтъ, то окажется нѣчто такое, чѣмъ порядокъ не управляетъ. Ни того, ни другаго вы не хотите. Въ такомъ случаѣ смотрите же, какъ бы защитою самаго порядка вы не перепутали всего. Хотя, ска-

залъ при этомъ Тригецій (Лиценція все еще не было), и легко отвѣтитъ на это твое заключеніе; но у меня въ настоящее время нѣтъ въ виду такого сравненія, которымъ бы, по моему мнѣнію, я долженъ былъ подтвердить и пояснить мою мысль. Впрочемъ, скажу, какъ думаю; а ты и въ данномъ случаѣ поступи также, какъ поступилъ передъ этимъ: потому что извѣстное упоминаніе твое о тѣмъ прошло не мало свѣта на то, что въ моихъ словахъ было темнаго. Жизнь глухихъ, хотя отъ нихъ самихъ опредѣленнаго направленія не получаетъ и не упорядочивается, однако дѣйствіемъ божественнаго Провидѣнія вся включена въ необходимый порядокъ вещей, и ей какъ бы нѣкоторая мѣстность, расположенная по неизмѣнному и вѣчному закону, не позволяетъ быть тамъ, гдѣ ей и не слѣдуетъ быть. Отсюда каждый, останавливающий исключительное вниманіе на ней только одной, получаетъ отвращеніе, какъ бы поражаемый великою нечистотою. Но если, поднявшись своими мысленными входами шире и выше, онъ станетъ обозрѣвать все въ цѣломъ, то не найдетъ ничего безпорядочнаго, а напротивъ—все какъ бы расpredѣленнымъ и расположеннымъ по своимъ мѣстамъ.

О, какъ много и сколько удивительнаго отвѣчаетъ мнѣ чрезъ васъ Богъ, и самый этотъ (чтобы я болѣе и болѣе въ него вѣровалъ) какой-то сокровенный порядокъ вещей! Ибо то, что вы высказываете, до такой степени представляетъ мнѣ истиннымъ и возвышеннымъ, что я не понимаю ни того, какимъ образомъ можно такъ говорить, не имѣя о предметѣ свѣдѣній, ни того, какимъ образомъ вы могли приобрѣсть эти свѣденія. Но высказывая свое мнѣніе, ты выражалъ желаніе подтвердить его хотя однимъ примѣромъ. Такихъ примѣровъ я имѣю въ виду безчисленное множество; они располагаютъ меня вполне согласиться съ твоимъ мнѣніемъ. Что, напр., можетъ быть гнуснѣе палача? Что грубѣе и жестче его души? И однако роль палача признается

необходимою самыми законами и входить въ порядокъ благоустроенной общественной жизни, и—палачъ, будучи преступнымъ по своей душѣ, служить наказаніемъ другихъ преступниковъ. Что гнуснѣе, что жалче красоты и полиѣе безстыдства непотребныхъ женщинъ, сводницъ и подобныхъ имъ людей? Между тѣмъ, устрани распутницъ изъ человѣческихъ обществъ, и распутство внесетъ всюду безпорядокъ. Но, съ другой стороны, поставь ихъ на мѣсто матронъ, и ты обезчистишь все позоромъ и безобразіемъ. До такой степени этотъ родъ людей нечистъ въ жизни по своимъ правамъ, и презрѣнъ по своему, условливаемому законами порядка, положенію! Въ тѣлахъ животныхъ ты видишь одни члены и не можешь видѣть другихъ; хотя порядокъ природы не захотѣлъ, чтобы ихъ не было, такъ какъ они необходимы, но онъ не дозволилъ имъ выставляться наружу, такъ какъ они безобразны. И они, занявши свое мѣсто, мѣсто лучшее уступили лучшимъ членамъ. Что было намъ пріятнѣе и что въ деревнѣ и па дачѣ намъ болѣе всего напомнило театръ, какъ не тотъ бой пѣтуховъ, о коемъ упоминалось много въ предыдущей книгѣ? При этомъ видѣли ли мы что нибудь безобразнѣе побѣжденнаго пѣтуха? А между тѣмъ отъ этого-то безобразія красота боя становилась совершеннѣе.

Таково, думаю, и все; но требуется только глазъ. Поэты полюбили такъ называемые солецизмы и барбаризмы, и порѣшили, измѣнивши наименованія, называть ихъ лучше схемами и метаплазмами, чѣмъ избѣгать такихъ очевидныхъ недостатковъ. Выбрось однакоже ихъ изъ стиховъ, и мы почувствуемъ недостатокъ въ самыхъ лучшихъ приправахъ. А съ другой стороны собери множество всего этого въ одно мѣсто, все это грубое, противное, отвратительное, надоѣсть миѣ. Внеси это въ прозаическую или судебную рѣчь, и тебѣ всякій посоветуетъ отправиться съ нею въ балаганы. Порядокъ, управляющій и соразмѣряющій все это, не терпитъ въ

рѣчи поэтической излишняго, а во всякой другой ей чуждаго. Нѣкоторая простота, даже какъ бы своего рода грубость рѣчи, своею противоположностію выставляетъ въ особомъ свѣтѣ ея оживленные обороты и прекрасныя мѣста. Будь въ ней одна простота и грубость, ты отбросишь ее, какъ низкую; но съ другой стороны не будь въ ней этой простоты и грубости, все тѣ прекрасныя мѣста не выдѣлялись въ ней, не будутъ господствовать, такъ сказать, въ своихъ границахъ и владѣніяхъ, а будутъ мѣшать сами себѣ собственнымъ блескомъ и въ цѣломъ производить безпорядокъ.

ГЛАВА V.

Какимъ образомъ нужно помогать заблужденію тѣхъ, которые думаютъ, что вещи не управляются никакимъ порядкомъ.

И въ этомъ случаѣ красота зависитъ отъ порядка. Кто не боится, кто не гнушается умозаключеній обманчивыхъ, или прокрадывающихся въ сознание мало по малу, путемъ ли ослабленія фальши, или вызванія согласія съ нею? Однако, и въ состязаніяхъ добросовѣстныхъ, будучи высказываемы ксати, онѣ часто имѣютъ такую силу, что не знаю какъ, но чрезъ нихъ становится сладкимъ и самый обманъ. Не похвалить ли порядокъ и за это?

Наконецъ, въ музыкѣ, въ геометріи, въ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ, въ непреложныхъ законахъ чиселъ порядокъ господствуетъ до такой степени, что если бы кто пожелалъ видѣть его, такъ сказать, источникъ и самыя тайны, найдеть ихъ въ этихъ наукахъ, или чрезъ нихъ приведенъ будетъ къ нему безошибочно. Ибо занятіе этими науками, если только кто предается ему умѣренно (ибо ничего не слѣдуетъ бояться здѣсь, какъ излишества), воспитываетъ въ человѣкѣ

такого борца и даже вождя философіи, что онъ и самъ восходить, и возводитъ многихъ другихъ къ той высшей мѣрѣ, дальше которой нельзя, не слѣдуетъ и нежелательно уже искать ничего. Съ этой высоты, останавливая вниманіе на дѣлахъ человѣческихъ, онъ такъ широко охватываетъ ихъ своимъ взоромъ, и такъ все различаетъ, что его не тревожатъ подобные вопросы: почему-де одинъ желаетъ имѣть дѣтей и не имѣть, а другой тѣготится плодovitостію своей жены; почему нуждается въ деньгахъ тотъ, который готовъ бы щедро дарить ихъ, а изсохшій и паршивый ростовщикъ спитъ на зарытыхъ сокровищахъ; почему громадныя наслѣдства расточаются и проматываются роскошью, а нищій, проливая цѣлый день слезы, вымалываетъ едва одну мелкую монету; почему иной недостойный возвышается во власти и чести, а люди съ чистѣйшею нравственностію остаются незамѣченными въ толпѣ.

Эти и подобныя явленія человѣческой жизни весьма часто располагаютъ людей нечестиво думать, будто нами не управляетъ никакой порядокъ божественнаго провидѣнія. Иные же, благочестивые, добродѣтельные и одаренные свѣтлымъ умомъ люди, хотя и не могутъ примириться съ мыслию, что мы оставлены Всевышнимъ Богомъ, однако смущенные своего рода мракомъ и нестроеніемъ подобныхъ явленій, не видятъ въ нихъ никакого порядка, и желая, чтобы имъ разъяснили современнѣйшія причины, часто жалуются на свои заблужденія даже въ стихахъ. Если бы они предложили только одинъ этотъ вопросъ: почему итальянцы всегда желаютъ ведренной зимы, между тѣмъ какъ наша бѣдная Гетулія постоянно жаждетъ дождя; кто не затруднился бы отвѣтить имъ? Или у кого изъ насъ нашлось бы какое нибудь предположеніе относительно этого порядка? Что касается меня, то, если я могу посовѣтовать что-нибудь своимъ друзьямъ по мѣрѣ своего разумѣнія, я полагаю, что они должны

изучать всё упомянутыя науки. Только такимъ путемъ, а не иначе какъ-нибудь, возможно для насъ понять все это яснѣе дня. Если они довольно лѣнны, или преданы другимъ занятіямъ, или уже неспособны къ наукѣ, пусть они обратятся къ вѣрѣ, узамъ которой привлекаетъ ихъ къ Себѣ, и освобождаетъ отъ этихъ горестныхъ и мрачныхъ золь Тотъ, Кто не попускаетъ погибнуть ни одному, вѣрующему въ него искренно, какъ предписываетъ религія.

Ибо есть два пути, которыми мы можемъ слѣдовать, когда насъ мучить мракъ окружающихъ явленій: это—разумъ, а если не онъ, то—авторитетъ. Разумъ общаетъ философія; но она освобождаетъ отъ мрака весьма немногихъ. Впрочемъ, она побуждаетъ ихъ не только не пренебрегать тайнами вѣры, а напротивъ понимать ихъ такъ, какъ онѣ должны быть понимаемы. Эта истинная и, такъ сказать, подлинная философія своею задачею имѣетъ не иное что, какъ научить, что служить безначальнымъ Началомъ всѣхъ вещей, какой въ Немъ пребываетъ разумъ и что отъ Него, помимо всякаго поврежденія, происходитъ для нашего спасенія. О семъ единомъ и троемощномъ Богѣ, Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, учить достопокланяемая религія, освобождающая народы силою чистой и непоколебимой вѣры,—учить не смутно, какъ говорятъ о ней нѣкоторые, и не недостойно Божества, какъ утверждаютъ многіе. Что же касается того, что сей Рессыпшій Богъ благоволилъ принять и носить наше человѣческое тѣло, то чѣмъ болѣе кажется это низкимъ, тѣмъ болѣе оно исполнено милости и тѣмъ менѣе имѣетъ общаго съ высокоуміемъ человѣческимъ.

А отбуда душа ведетъ свое начало, зачѣмъ она живетъ въ этомъ мірѣ, насколько разнствуетъ отъ Бога, что имѣетъ своего собственнаго, что вносить въ ту и другую природу, насколько подлѣжитъ смерти и чѣмъ оправдывается ея безсмертіе; все это—вопросы не великаго ли порядка, чтобы

заняться ихъ изученіемъ? Безъ сомнѣнія великаго и съ точностію опредѣленнаго! Но объ этомъ, если найдемъ время, скажемъ въ краткихъ чертахъ послѣ. А пока прошу васъ принять отъ меня къ свѣдѣнію слѣдующее: Если кто осмѣлится добиваться знанія этихъ предметовъ необдуманно и не въ извѣстномъ порядкѣ научныхъ занятій, тотъ вмѣсто любознательнаго сдѣлается преступно-любопытнымъ, вмѣсто ученаго—легковѣрнымъ, вмѣсто осторожнаго—невѣрующимъ. Въ виду этого, слыша только что ваши такіе хорошіе и дѣльные отвѣты на вопросы, я удивляюсь, откуда это у васъ, хотя въ тоже время не могу и не соглашаться съ ними. Посмотримъ, однако, какъ долго можетъ продержаться это, для меня тайное, напряженіе ваше. Теперь пусть прочитаютъ намъ слова Лиценція, который, не знаю чѣмъ занятый, такъ давно устранился отъ нашего разговора, что и ему, думается мнѣ, придется читать высказанное нами въ его отсутствіе, какъ и тѣмъ изъ нашихъ друзей, которые не присутствуютъ теперь съ нами. Иди-ка, Лиценцій, сюда, прошу тебя, и постарайся быть зѣвсѣ; я обращаю рѣчь свою къ тебѣ. Ты одобрилъ мое опредѣленіе того, что значитъ быть съ Богомъ, и хотѣлъ, насколько я могъ понять, доказать, что умъ мудраго пребываетъ неподвижнымъ съ Богомъ.

Меня сильно затрудняетъ слѣдующее соображеніе: какимъ образомъ возможно, чтобы умъ этого мудраго оставался неподвижнымъ, когда его тѣло—ибо безспорно и онъ, доколѣ живетъ среди людей, тѣло имѣетъ,—движется сюда и туда. Подобнымъ образомъ ты могъ бы сказать, что, когда движется корабль, находящіеся на немъ люди не движутся; хотя мы не станемъ оспаривать, что кораблемъ владѣютъ и управляютъ они. Да если бы они управляли имъ и заставляли его идти, куда хотятъ, только мыслію, и тогда, находясь на немъ же, они не могли бы не двигаться, какъ скоро двигался бы онъ.—Духъ, сказалъ Лиценцій, живетъ въ тѣлѣ

не такъ, чтобы тѣло повелѣвало духу.—Да этого и я не говорю, отвѣчалъ я. Но вѣдь и всадникъ сидитъ на конѣ не такъ, чтобы конь управлялъ имъ; однако, хотя онъ заставляетъ идти коня, куда хочетъ, вмѣстѣ съ движеніемъ коня движется необходимо и самъ.—Самъ всадникъ, говорить, можетъ сидѣть неподвижно.—Ты, сказалъ я, заставляешь насъ опредѣлить, что значитъ находиться въ движеніи, —сдѣлай же это, прошу тебя, если можешь.—Продолжи, отвѣчалъ онъ, свою милость ко мнѣ, какъ продолжается и моя къ тебѣ просьба: не спрашивай у меня вторично, желательное ли для меня дѣло—составлять опредѣленія; я самъ скажу тебѣ, когда буду въ состояніи ихъ дѣлать.—Когда онъ это сказалъ, изъ дому прибѣжалъ къ намъ мальчикъ, на котораго возложена была этого рода обязанность, и возвѣстивъ намъ, что пора обѣдать.—Этотъ мальчикъ, сказалъ я, заставляетъ насъ не только опредѣлить, но и наглазо показать, что значитъ двигаться. Идемъ же и перейдемъ изъ этого мѣста въ другое; потому что, если не ошибаюсь, это и значитъ двигаться.—На эти слова они отвѣтили смѣхомъ, и мы вышли.

ГЛАВА VI.

Состязаніе 2.

Умъ мудраго неподвиженъ.

Подкрѣпивъ свои тѣла, мы, такъ какъ небо заволакивали тучи, ушли на обычномъ мѣстѣ въ банѣ.—Такъ что же, Лиценцій, сказалъ я: согласенъ ли ты, что движеніе—не иное что, какъ переходъ изъ одного мѣста въ другое?—Согласенъ, говорить.—Но согласенъ ли ты, продолжаю я, что никто не можетъ быть въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ не былъ, и оставаться неподвижнымъ?—Этого я не понимаю, отвѣчалъ онъ.—Если, говорю, что-нибудь сперва было въ одномъ мѣстѣ, а теперь въ другомъ, согласенъ ли ты, что

въ этомъ есть движеніе?—Онъ согласился.—Но можетъ же, говорю я, живое тѣло извѣстнаго мудреца находится съ нами здѣсь такъ, что душа его будетъ отсюда далеко?—Можетъ, отвѣчалъ онъ.—Даже, прибавилъ я, еслибы онъ и разговаривалъ съ нами, и училъ насъ?—Если бы, отвѣчалъ онъ, онъ училъ насъ и самой мудрости, я тогда сказалъ бы, что онъ—не съ нами, а съ самимъ собою.—Значитъ, онъ—не въ тѣлѣ?—Не въ тѣлѣ, говоритъ.—Но тѣло, которое лишено духа, не признаешь ли ты мертвымъ, между тѣмъ какъ я имѣлъ въ виду тѣло живое?—Не умѣю, отвѣчалъ онъ, объяснить это. Съ одной стороны я признаю, что тѣло человѣка не можетъ быть живымъ, если въ немъ нѣтъ духа; съ другой не могу сказать, чтобы духъ мудраго не былъ съ Богомъ, гдѣ бы ни находилось его тѣло.—Я помогу тебѣ объяснить это, сказалъ я. Такъ какъ Богъ—ездѣ, то пожалуй куда бы мудрый ни пошелъ, онъ ездѣ найдетъ Бога, съ Кѣимъ можетъ быть. Отсюда для насъ есть возможность не отрицать и того, что мудрый переходитъ съ мѣста на мѣсто, а это и значитъ быть въ движеніи, и того, что онъ—съ Богомъ.—Я соглашаюсь, сказалъ онъ, что тѣло дѣлаетъ такой переходъ съ мѣста на мѣсто, но отрицаю это въ отношеніи къ уму, къ которому собственно примѣнимо названіе мудраго.

ГЛАВА VII.

Какимъ образомъ могъ быть порядокъ, когда не было зла.

Пока я уступаю тебѣ, сказалъ я, дабы этотъ таинственнѣйшій предметъ, требующій болѣе продолжительнаго и внимательнаго обсужденія, не помѣшалъ тому, что мы предположили себѣ въ настоящій разъ. Но остановимъ вниманіе вотъ на чемъ: такъ какъ мы опредѣлили, что значитъ быть съ Богомъ, то не можемъ ли мы знать и того, что

значить быть безъ Бога; хотя это, какъ думаю, ясно уже само по себѣ. Ибо я думаю, что тѣ, которые—не съ Богомъ, на твой взглядъ, суть безъ Бога.—Если бы, сказалъ онъ, у меня не было недостатка въ словахъ, я, быть можетъ, сказалъ бы такъ, что мой отвѣтъ тебѣ понравился бы. Но, пожалуйста, извини мое дѣтство, и какъ это тебѣ прилично, своимъ быстрымъ умомъ предугадывай, что я желалъ бы выразить. На мой собственно взглядъ, хотя такіе люди и не съ Богомъ, однако Богомъ они не оставляются. Поэтому я не могу сказать, что тѣ, коихъ Богъ не оставляетъ, суть безъ Бога. Но, съ другой стороны, не скажу, что они и съ Богомъ, такъ какъ они Бога не имѣютъ. Имѣть же Бога,—какъ рѣшено было между нами въ томъ состязаніи, которое съ такимъ удовольствіемъ вели мы въ день твоего рожденія, — не иное что значить, какъ наслаждаться Богомъ. Но признаюсь, что меня устрашаетъ это противорѣчіе, какимъ образомъ возможно быть ни безъ Бога, ни съ Богомъ.

Не тревожься этимъ, сказалъ я. Кто станетъ обращать вниманіе на слова, когда самое дѣло будетъ бесспорно? Но возвратимся еще разъ къ данному тобою опредѣленію порядка. Порядокъ, сказалъ ты, это то, посредствомъ чего Богъ управляетъ всѣмъ. А на мой взглядъ, нѣтъ ничего, чѣмъ ни управлялъ бы Богъ: вѣдь отсюда ты вывелъ заключеніе, что внѣ порядка нельзя найти ничего.—Я остаюсь при своемъ, отвѣчалъ онъ; но я уже вижу, что хочешь ты сказать, именно—управляетъ ли Богъ и тѣмъ, что, на нашъ взглядъ, совершается нехорошаго?—Прекрасно, сказалъ я: ты совершенно проникъ въ мою мысль. Но если ужъ ты угадалъ то, о чемъ я хотѣлъ спросить, то угадай и то, что слѣдуетъ отвѣтить на мой вопросъ.—Не соберусь съ мыслями, отвѣчалъ онъ, покачивая головою и плечами.—На этотъ вопросъ неожиданно пришла къ намъ мать. Тогда послѣ нѣкотораго

молчанія, онъ попросилъ меня снова спросить его о томъ же. Онъ не зналъ, что на этотъ вопросъ отвѣчалъ уже Тригетій.—Что, сказалъ я, или зачѣмъ мнѣ повторять? Сдѣланнаго, говорить, не дѣлай. Поэтому я лучше посоветую тебѣ по крайней мѣрѣ прочитать то, что было сказано прежде, если ты слышать того не могъ. Я впрочемъ не сердился на твое уклоненіе отъ нашей бесѣды и терпѣлъ это уклоненіе такъ долго, съ одной стороны чтобы не мѣшать тому, о чемъ, углубившись въ себя и удалившись отъ насъ, ты размышлялъ про себя, а съ другой потому, что продолженіе моей рѣчи при помощи этого стилия не могло быть потеряннымъ и для тебя.

Теперь я спрашиваю о томъ, чего мы не пытались еще изслѣдовать внимательно. Ибо вслѣдъ затѣмъ, какъ, не знаю всилу какого порядка, возникъ у насъ вопросъ о порядкѣ, ты, помнится мнѣ, сказалъ, что правосудіе Божіе различаетъ между добрыми и злыми и воздастъ каждому по заслугамъ. Яснѣе опредѣлить правосудіе, насколько я понимаю, и нельзя. Но скажи мнѣ, думаешь ли ты, что Богъ былъ нѣкогда не правосуденъ?—Никогда, отвѣчалъ онъ.—А если, говорю, Богъ всегда былъ правосуденъ, то, значить, добро и зло существовали всегда.—Другаго слѣдствія, по моему мнѣнію, сказала мать, и не можетъ быть. Въ самомъ дѣлѣ, когда не было никакого зла, тогда не было и суда Божія; и если когда нибудь Богъ не воздавалъ добрымъ и злымъ по ихъ заслугамъ, то Онъ не могъ быть и правосуднымъ.—Такъ стало быть, замѣтилъ ей Лиценцій, по твоему мнѣнію, надлежитъ сказать такъ, что зло существовало всегда?—Этого, отвѣтила она, я не смѣю сказать.—Что же мы скажемъ, спросилъ я? Если Богъ правосуденъ потому, что творить судъ надъ добрыми и злыми, то Онъ не былъ правосуденъ, когда не было зла.—При этомъ, когда они молчали, я замѣтилъ, что хочетъ отвѣчать Тригетій, и дозволилъ ему это. Богъ, сказалъ онъ, былъ правосуденъ вообще. Онъ могъ различить добро и зло, если бы сии по-

ществовали, и потому самому, что могъ, былъ правосуденъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ, что Цицеронъ изслѣдовалъ заговоръ Катилины благоразумно, показалъ умѣренность, не запятнавши себя никакою корыстію, чтобы пощадить злыхъ, со всею справедливостію предалъ ихъ вышшему наказанію сената, мужественно перенесъ всѣ стрѣлы праговъ и, какъ самъ выражается, громаду зависти,—неужели, спрашивается, не было бы въ немъ всѣхъ этихъ добродѣтелей, если бы Катилина не приготовилъ для республики столь великой опасности? Добродѣтель и въ человѣкѣ должна быть разсматривасма сама по себѣ, а не по какому либо дѣлу этого рода, а тѣмъ болѣе такъ должна быть она разсматривасма въ Богѣ, если, впрочемъ, при ограниченности понятій и словъ, позволительно въ этомъ отношеніи такъ или иначе сопоставлять ихъ между собою. Чтобы понять это, скажемъ такъ. Поелику Богъ всегда былъ правосуденъ, то, когда явилось зло, которое надлежало отдѣлить отъ добра, Онъ тотчасъ же сталъ воздавать каждому по заслугамъ: гбо въ этомъ случаѣ Ему не нужно было учиться правосудію, а только приложить къ дѣлу то, которое имѣлъ Онъ всегда.

Когда и Лиценцій и мать должны по необходимости одобрить это мнѣніе, я сказалъ: Ну, Лиценцій, что теперь ты скажешь? Оправдывается ли твое мнѣніе, что »помимо порядка ничего не бываетъ«,—мнѣніе, которое ты такъ настойчиво защищалъ? Ибо дѣйствіе, вызвавшее къ бытію зло, не есть дѣйствіе въ божественномъ порядкѣ; но когда зло родилось, оно вставлено въ божественный порядокъ.—Я, сказалъ онъ удивляясь и чувствуя неловкость, что такъ неожиданно потерялъ свое дѣло,—я рѣшительно утверждаю, что порядокъ свое начало получилъ съ того момента, съ котораго началось зло —Итакъ, сказалъ я, чтобы зло было, это совершилось не въ силу порядка, если порядокъ начался

послѣ того, какъ произошло зло. Но у Бога порядокъ существовалъ всегда; и было ли это ничто, которое называется зломъ, всегда, или оно началось когда-нибудь,—поелику порядокъ есть или самъ добро или отъ добра,—безъ порядка никогда ничего не было и не будетъ. Есть какое-то и болѣе сильное возраженіе, но оно по обычаю ускользнуло изъ памяти; чтó, по моему мнѣнію, тоже въ порядкѣ, соотвѣтственно заслугамъ, или состоянію, или порядку жизни.—Не знаю, отвѣчалъ онъ, какимъ образомъ я высказалъ такъ необдуманно это сужденіе, которое я теперь самъ отвергаю: ибо я долженъ былъ сказать не то, что порядокъ начался послѣ того, какъ явилось зло, а то, что какъ правосудіе, о коемъ разсуждалъ Тригецій, такъ и порядокъ существовали у Бога; но свое примѣненіе получили они послѣ того, какъ явилось зло.—И опять ты, сказалъ я, спотыкаешься на томъ же самомъ: ибо то, чего тебѣ хочется всего менѣе, останется неопровержимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, былъ ли порядокъ у Бога, или начался съ того времени, съ котораго появилось и зло, во всякомъ случаѣ зло произошло помимо порядка. Если ты съ этимъ согласишься, то долженъ будешь признать, что нѣчто могло произойти помимо порядка; а это подрываетъ и разбиваетъ защищаемое тобою мнѣніе. Если же не согласишься, въ такомъ случаѣ зло окажется получившимъ начало изъ божественнаго порядка, и ты долженъ будешь признать Бога виновникомъ зла; а гнуснѣе подобнаго богохульства, на мой взглядъ, не можетъ быть ничего.—Онъ или не понималъ этого, или притворялся, что не понимаетъ; и когда я уяснялъ ему свою мысль, измѣняя и переворачивая ее на разные лады, онъ не нашелся, чтó сказать, и замолчалъ.—Я, сказала тогда мать, не думаю, чтобы внѣ божественнаго порядка не могло быть ничего; ибо зло, которое появилось, какимъ образомъ не могло появиться въ силу божественнаго порядка; но божественное правосудіе не захотѣло, чтобы оно остава-

лось безпорядочнымъ, и обратило и привело его къ заслуженному имъ порядку.

Видя, что всѣ они ищутъ Бога весьма усердно и каждый по мѣрѣ своихъ силъ, но не обладаютъ самымъ, составляющимъ предметъ нашего разсужденія, порядкомъ, подъ условіемъ котораго возможно достигнуть уразумѣнія неизъяснимаго величія Божія, я сказалъ: Если вы, какъ это я вижу, такъ сильно любите порядокъ, то не допустимъ себя быть превратными и безпорядочными. Ибо хотя сокровеннѣйшій разумъ и общаетъ намъ доказать, что ничего не бываетъ помимо божественнаго порядка; однако еслибы мы услышали какого-нибудь школьнаго учителя, старающагося выучить складамъ мальчика, котораго раньше никто не училъ буквамъ, то, полагаю, мы сочли бы его достойнымъ не только того, чтобы осмѣять его, какъ глупаго, но и связать, какъ бѣсноватаго, и именно за то, что онъ не соблюдаетъ порядка въ обученіи. Никто не станетъ спорить, что людьми простыми дѣлается многое такое, что осуждается и осмѣивается учеными, и сумасшедшими такое, что осуждается даже глупыми; и однако даже это все, что представляется намъ извращеннымъ, нѣбая возвышенная наука, которой толпа даже не подозреваетъ, душамъ преданнымъ наукѣ и возлюбившимъ Бога и душу, общаетъ доказать совершающимся не внѣ божественнаго порядка, и доказать съ такою ясностію, что самыя суммы чиселъ въ сложеніи не могутъ быть для насъ вѣрнѣе.

ГЛАВА VIII.

Собщаются юношамъ прежде всего правила жизни, за тѣмъ порядокъ занятія науками.

Эта наука — самъ божественный законъ, который, вѣчно оставаясь у Бога неподвижно и непреложно, какъ бы переписывается въ душѣ мудрыхъ, дабы они могли знать, что

живуть тѣмъ лучше и возвышеннѣе, чѣмъ совершеннѣе созерцають этотъ законъ въ мысли и чѣмъ прилежнѣе исполняютъ его въ жизни. Такимъ образомъ, наука эта тѣмъ, которые желаютъ знать ее, повелѣваетъ слѣдовать въ одно и то же время двоякому порядку, одна сторона котораго касается жизни, другая занятія науками. Юноши, преданные ей, должны жить, воздерживаясь отъ любовныхъ похожденій, отъ приманокъ чрева и горла, отъ нескромнаго украшенія и убранства тѣла, отъ пустыхъ занятій играми, отъ сна и лѣнности, отъ тщеславія, зависти и ненависти, отъ честолюбія и властолюбія, даже отъ неумѣреннаго желанія похвалы. Любовь къ деньгамъ пусть считаютъ вѣрнѣйшею отравою всякой своей надежды. Пусть не дѣлають ничего вяло, но ничего—и рывко. Къ ошибкамъ ближнихъ пусть не питають никакого гнѣва, или же обуздываютъ его такъ, чтобы казалось, будто его нѣтъ. Пусть не питають ненависти ни къ кому. Ни одного порока пусть не оставляють безъ вниманія. Когда наказываютъ, пусть берегутся, какъ бы ни быть слишкомъ строгими, когда прощаютъ—слишкомъ скупыми. Пусть не наказываютъ ничего такого, что не въ состояніи быть лучше, не извиняють, что дѣлается хуже. Пусть считаютъ своими родными всѣхъ тѣхъ, надъ коими дана будетъ имъ власть. Пусть служатъ такъ, чтобы господствовать надъ ними было стыдно, господствуютъ—такъ, чтобы пріятно было служить имъ. Къ чужимъ ошибкамъ пусть не будутъ суровы. Вражды пусть избѣгаютъ самымъ тщательнымъ образомъ, вражду къ себѣ переносятъ равнодушно, мирятся какъ можно скорѣе. Въ сношеніяхъ и обращеніи съ людьми достаточно сохранять одну эту народную поговорку: никому пусть не дѣлають ничего такого, чего не желаютъ себѣ. Республикою управлять пусть не добивается никто, кромѣ совершенныхъ. Но совершенными стать пусть стараются въ возрастѣ сенаторскомъ, или точнѣе въ самой юности. Но и тотъ, кто

обратится въ этому поздно, пусть не думаетъ, что для него не существуетъ никакихъ правилъ; въ возрастѣ зрѣломъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ сохранить ихъ легче. Во всю жизнь, на всякомъ мѣстѣ, во всякое время пусть имѣютъ или стараются имѣть друзей. Людямъ достойнымъ пусть услуживаютъ, хотя бы того они и не ожидали. На гордыхъ пусть мало обращаютъ вниманія, и сами гордыми пусть не будутъ. Пусть живутъ прилично и пристойно. Пусть чтутъ Бога, размышляютъ о Немъ, ищутъ Его, укрѣпляясь вѣрою, надеждою, и любовію. Пусть желаютъ спокойствія и твердаго порядка въ своихъ научныхъ занятіяхъ и занятіяхъ своихъ товарищей и для себя и тѣхъ, кому могутъ,—здраваго ума и мирной жизни.

ГЛАВА IX.

*Къ ученію ведутъ насъ авторитетъ и разумъ. Двой-
кій авторитетъ.*

Теперь слѣдуетъ мнѣ сказать о томъ, какъ должны учиться тѣ преданные наукѣ юноши, которые вознамѣрились жить такъ, какъ объ этомъ сказано выше. Къ изученію наукъ ведетъ насъ двойкій путь—авторитетъ и разумъ. По отношенію ко времени первенствуетъ авторитетъ, а по отношенію существу дѣла—разумъ. Ибо первое предпочитается когда нужно располагать, а другое наиболѣе цѣнится при достиженіи. Итакъ хотя авторитетъ людей добрыхъ представляется полезнѣе для невѣжественной толпы, а разумъ приличнѣе для ученыхъ; однако, такъ какъ всякій человѣкъ дѣлается образованнымъ изъ необразованнаго, а всякій необразованный не можетъ знать того, какимъ онъ долженъ явиться предъ людьми учащими и посредствомъ какой жизни можетъ сдѣлаться способнымъ къ ученію: то для всѣхъ желающихъ учиться великому и современному, дверь къ

этому служить лишь авторитетъ. Вступившій въ эту дверь слѣдуетъ безъ всякаго колебанія правиламъ наилучшей жизни; сдѣлавшись же посредствомъ нихъ способнымъ учиться, онъ потомъ узнаетъ, насколько разумно все то, чему онъ слѣдовалъ прежде раскрытія разума; и что такое самый этотъ разумъ, которому онъ слѣдуетъ теперь, вышедши изъ колебели авторитета крѣпкимъ и зрѣлымъ; и что такое умъ, въ которомъ—все, или, лучше, который самъ—все; и что, будучи внѣ всего, служить началомъ всего. До этого познанія въ настоящей жизни достигаютъ немногіе, а дальше него, даже и послѣ настоящей жизни, не можетъ достигнуть никто. Что касается тѣхъ, которые, довольствуясь однимъ авторитетомъ, постоянно заботятся лишь о добрыхъ правахъ и благочестивыхъ обѣтахъ, или презирая, или не будучи въ состояніи, учиться свободнымъ и возвышеннымъ наукамъ: то я и не знаю, какъ назвать ихъ блаженными, пока они еще живутъ среди людей; впрочемъ увѣренъ непоколебимо, что они, лишь только покидаютъ свое тѣло, освобождаются отъ своего невѣжества легче или труднѣе, смотря по тому, болѣе ли или менѣе хорошо жили.

Авторитетъ же бываетъ частію божественный, частію человѣческій; но истинный, прочный и высшій авторитетъ тотъ, который называется божественнымъ. Въ отношеніи его, впрочемъ, надлежитъ бояться удивительной лживости воздушныхъ животныхъ, которыя посредствомъ нѣкоторыхъ предсказаній о вещахъ, относящихся къ тѣлеснымъ чувствамъ, и нѣкоторыхъ проявленій своего могущества, привыкли весьма легко обольщать души жаждущія проникнуть въ тайны скоротечнаго счастья, или добивающіяся преходящей власти, или же робѣющія предъ пустыми чудесами. Итакъ, божественнымъ авторитетомъ долженъ быть названъ тотъ, который не только въ чувственныхъ знаменіяхъ превышаетъ всякую человѣческую способность, но, управляя человѣкомъ, показываетъ ему, до

какой степени принизился онъ самъ ради его; повелѣваетъ ему не поддаваться чувствамъ, для которыхъ предсказанія тѣ представляются достойными удивленія, а возвышаться до ума; а въ то же время уяснить, насколько, упомянутая ложность сильна здѣсь, почему она это дѣлаетъ и какъ мало заслуживаетъ вниманія. Ибо этотъ авторитетъ долженъ своими дѣлами показать свою власть, своимъ уничиженіемъ научить милосердію, своими предписаніями законамъ природы; а все это преподается болѣе таинственнымъ и вѣрнымъ образомъ въ той религіи, въ которую мы посвящаемся, и въ которой жизнь добродѣтельныхъ весьма легко очищается не двусмысленными состязаніями, а авторитетомъ таинствъ. Авторитетъ же человѣческій по большей части обманчивъ; впрочемъ, онъ, повидимому, по праву усвоается тѣмъ, которые, насколько можетъ воспринять чувство людей невѣжественныхъ, представляютъ много опытовъ своего удачнаго преподаванія, и сами живутъ такъ, какъ предписываютъ жить другимъ. Если они получаютъ и кое-какіе дары фортуны, чрезъ употребленіе которыхъ они являются великими, а чрезъ прсрѣніе еще большими, и въ такомъ случаѣ трудно сказать, чтобы заслуживалъ справедливаго укора тотъ, кто отнесся бы довѣрчиво къ даваемымъ ими правиламъ жизни.

ГЛАВА X.

Немногіе сохраняютъ правила жизни.

Величественный образъ жизни, сказалъ при этомъ Алиій, и полно, и братко начертанъ тобою предъ нашими глазами; хотя мы и постоянно стремимся къ нему, наставляемые твоими ежедневными уроками, однако сегодня ты заставилъ насъ болѣе его желать и пламеннѣе искать. Если бы возможно было достигнуть и держаться его не только намъ, но и вѣмъ людямъ, я желалъ бы, чтобы все это было такъ же

легкимъ для подражанія, какъ оно было удивительнымъ для слуха. Ибо не знаю какъ (о еслибы отъ этого по крайней мѣрѣ сами мы далеки), но духъ человѣческій, пока это слышитъ, провозглашаетъ это небеснымъ, божественнымъ и вполнѣ истиннымъ; но въ достиженіи этого ведетъ себя иначе; такъ что, на мой взглядъ, такимъ образомъ могутъ жить или люди божественные, или не безъ божественной помощи. — Эти правила жизни, сказалъ я, которыя тебѣ, Алицій, какъ и всегда, весьма поправились, хотя выражены моими словами, но избобрѣтены не мною, какъ ты прекрасно это знаешь. Ими переполнены книги людей великихъ и почти божественныхъ; я счелъ нужнымъ высказать ихъ не ради тебя, а ради этихъ юношей, съ тою цѣлю, чтобы они не имѣли права пренебречь ими, какъ бы моимъ личнымъ мнѣніемъ. Ибо я хочу, чтобы мнѣ вѣрили только какъ учащему и представляющему доказательства; полагаю, что и ты вставилъ свое слово для большаго возбужденія ихъ въ виду величія предмета. Въ самомъ дѣлѣ, не для тебя же должно быть дѣломъ труднымъ слѣдовать тому, что ты схватилъ съ такою жадностію и къ чему рванулся съ такою стремительностію своей удивительной природы, что я для тебя сдѣлался учителемъ словъ, а ты для меня учителемъ дѣлъ. Теперь нѣтъ ни малѣйшей причины, или, по крайней мѣрѣ, повода — гдѣ: ты, думаю, вслѣдствіе моей ложной похвалы не сдѣлаешься болѣе преданнымъ наукѣ, и эти, что съ нами, знаютъ насъ обоихъ, да и тотъ, кому эта книга посылается, знаетъ всѣхъ насъ.

Число же людей добродѣтельныхъ и преданныхъ наилучшимъ правамъ, по моему мнѣнію, ты, — если думаешь тоже, что и говоришь, — представляешь себѣ гораздо меньшимъ, чѣмъ какъ оно представляется мнѣ; но вѣдь многіе изъ нихъ совершенно укрываются отъ тебя. Да и изъ числа извѣстныхъ, многіе скрываютъ то, что есть въ нихъ удивительнаго; потому что все это находится въ душѣ, которая не доступна

для чувствъ; и весьма часто, желая принаровиться къ разговорамъ людей порочныхъ, человекъ говорить то, что одобряетъ или желаетъ только для вида. Многие дѣлаетъ онъ даже противъ своего желанія, во избѣжаніе или ненависти или вздорливости людской; о чемъ случая или наблюдая, мы судимъ лишь такъ, какъ говорятъ намъ о томъ чувства слуха и зрѣнія. Отсюда-то и происходитъ, что многихъ мы считаемъ не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ и какими ихъ знаютъ ихъ друзья. Въ этомъ ты можешь убѣдиться по тѣмъ нѣкоторымъ великимъ духовнымъ дарамъ нашихъ друзей, о которыхъ извѣстно только намъ однимъ. Это заблужденіе зависитъ отъ того главнымъ образомъ, что многіе обращаются къ добродѣтельной жизни не вдругъ; и пока не сдѣлаются извѣстными какими-либо блестящими дѣлами, считаются такими, какими были. Чтобы не ходить за примѣромъ далеко: кто изъ знавшихъ раньше этихъ юношей легко можетъ повѣрить, что они ищутъ великаго съ такимъ усердіемъ и показали въ себѣ неожиданно въ такомъ возрастѣ такую вражду къ удовольствіямъ? Изгонимъ же изъ своей души это мнѣніе: ибо и та божественная помощь, о которой упомянулъ ты благочестиво въ концѣ своей рѣчи. (какъ это было и прилично), расточаетъ свою милость на всѣ народы гораздо шире, чѣмъ какъ нѣкоторые думаютъ объ этомъ. Но возвратимся опять къ порядку нашего состязанія; и такъ какъ объ авторитетѣ сказано довольно, посмотримъ, какое значеніе имѣетъ разумъ.

ГЛАВА XI.

Что такое разумъ и слѣды его въ томъ, что подлѣжитъ чувствамъ. Чѣмъ различается разумное субъективное и разумное объективное.

Разумъ есть движеніе мысли, имѣющее силу различать и объединять то, что подлежитъ изученію. Пользоваться од-

накоже его руководствомъ въ познаніи Бога, равно и самой души, существующей въ немъ или гдѣ бы то ни было, родъ человѣческій можетъ чрезвычайно рѣдко. И это не почему иному, какъ потому, что всякому, выступившему въ область этихъ чувствъ, трудно возвратиться въ самага себя. Поэтому, хотя люди въ этихъ обманчивыхъ условіяхъ и стараются дѣлать все согласно съ разумомъ, за исключеніемъ весьма не многихъ, не знаютъ вовсе, что такое самый разумъ и какія свойства его. Это кажется страннымъ, но оно такъ на дѣлѣ. Въ данномъ случаѣ достаточно этой оговорки: потому что если бы я вздумалъ въ настоящее время разъяснять вамъ, какъ слѣдуетъ понимать этотъ важный предметъ, я былъ бы также нелѣпъ, какъ былъ бы нагло-высокомѣренъ, если бы заявилъ, что по крайней мѣрѣ самъ я уже понялъ его. Впрочемъ, насколько разуму угодно проявляться въ вещахъ, которыя кажутся намъ извѣстными, мы станемъ, если будемъ только въ состояніи, наслаживая его въ той мѣрѣ, сколько это нужно для предмета нашей рѣчи.

И во первыхъ рассмотримъ тѣ случаи, въ которыхъ обыкновенно употребляется это слово—разумъ. Въ особенности, конечно, мы должны остановить свое вниманіе на томъ, что древніе мудрецы самага человѣка опредѣляли такъ: человѣкъ есть животное разумное смертное. Послѣ указанія рода, названнаго словомъ—животное, мы находимъ здѣсь приданными два отличія, которыя по моему мнѣнію, должны напоминать человѣку, куда онъ долженъ возвращаться, и откуда долженъ убѣгать. Ибо какъ выходъ души есть паденіе въ область смертнаго, такъ возвращеніе ея должно быть въ область разума. Однимъ изъ этихъ словъ, именно названіемъ—разумное, душа выдѣляется отъ животныхъ безсловесныхъ, другимъ, названіемъ—смертное, отъ божественнаго. Итакъ, если она не удержитъ за собою перваго,

будетъ животнымъ безсловеснымъ; а не устранился отъ послѣдняго—не будетъ божественною. Но ученѣйшіе мужи имѣютъ обыкновеніе съ остроуміемъ и тонкостію различать субъективно-разумное (*rationale*) и объективно-разумное (*rationabile*) Этого различенія никоимъ образомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и намъ, для нашей цѣли. Субъективно-разумнымъ они называли то, что пользуется или можетъ пользоваться разумомъ; а объективно-разумнымъ то, что сдѣлано или сказано разумно. Напримѣръ, объективно-разумными мы можемъ назвать эти бани и нашу рѣчь; субъективно же разумными или того, кто эти бани построилъ, или насъ, которые говоримъ. Итакъ отъ субъективно-разумной души разумъ переходитъ въ объективно-разумное, т. е. въ то, что дѣлается или говорится.

И такъ я вижу два рода предметовъ, въ которыхъ могущество и сила разума можетъ подпасть даже наблюденію самыхъ чувствъ: это—дѣла человѣческія, подлежащія зрѣнію, и слова подлежащія слуху. Въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ душа, по необходимымъ условіямъ тѣлесной жизни, пользуется двумя вѣстниками: одинъ изъ нихъ—глаза, другой—уши. Поэтому когда мы видимъ что нибудь образованнымъ изъ частей взаимно-соразмѣрныхъ, мы не безъ основанія говоримъ, что оно представляется разумнымъ. Также точно слыша какое нибудь стройное пѣніе, мы не колеблемся сказать, что оно звучитъ разумно. Но всякаго осмѣяли бы, если бы кто сказалъ: разумно пахнетъ, или разумно отзывается на языкѣ, или разумно—мягко; развѣ только онъ употребилъ бы такое выраженіе въ отношеніи къ чему либо, нарочито приготовленному людьми, чтобы оно такъ пахло, или имѣло такой вкусъ, или такъ согрѣвало, или вызывало иное ощущеніе. Такъ было бы не смѣшно, если бы кто о мѣстѣ, изъ котораго изгоняются змѣи веществами, издающими сильный запахъ, сказалъ, принимая въ

соображеніе причину, по которой это сдѣлано: оно разумно такъ пахнуть; или назвалъ бы разумно горькимъ или разумно сладкимъ питье, приготовленное врачомъ; или по тому случаю, что врачъ велѣлъ бы для больнаго умѣрить температуру ванны, сказалъ бы, что она горяча или тепловата разумно. Но никто, вошедши въ садъ и поднося къ носу розу, не рѣшится сказать: какъ разумно она благоухаетъ,— хотя бы нюхать ее велѣлъ ему и врачъ. Ибо въ послѣднемъ случаѣ называется разумно даннымъ приказаніе врача, но не называется разумнымъ запахъ; и это не потому, что запахъ этотъ естественный. Ибо хотя приготовленное поваромъ кушанье мы можемъ назвать приготовленнымъ разумно: однако вовсе не принято говорить, что оно разумно дѣйствуетъ на вкусъ, если нѣтъ на то никакой внѣшней причины, а кушанье удовлетворяетъ просто насущной потребности. Вѣдь если спрашиваютъ у того, кому приготовилъ питье врачъ, зачѣмъ оно должно быть такъ сладко на вкусъ; то приводится особая причина, по которой оно таково, именно, родъ болѣзни; а эта причина уже не въ самомъ томъ чувствѣ, а особо отъ него въ тѣлѣ. А если спросить лакомку, возбужденнаго аппетитомъ, почему извѣстное кушанье пріятно; онъ отвѣтитъ, что оно ему просто нравится или доставляетъ ему наслажденіе. Никто не назоветъ его лакомства разумно-сладкимъ, развѣ только доставляемое имъ удовольствіе необходимо для чего нибудь другаго, и то, что ждетъ онъ, для того именно такъ приготовлено.

Остановимся, на сколько могли открыть ихъ, на нѣкоторыхъ слѣдахъ разума въ чувствахъ, а относительно зрѣнія и слуха, и на самомъ доставляемомъ ими удовольствіи. Въ отношеніи другихъ чувствъ, какъ сказано, разумное обыкновенно проявляется не въ удовольствіи, ими доставляемомъ, а въ кое чемъ иномъ, то есть въ томъ, что оно вызвано живымъ разумнымъ существомъ для какой либо

извѣстной цѣли. Что касается зрѣнія, то все, въ чемъ замѣчается разумная соразмѣрность частей, обыкновенно называется прекраснымъ. А что касается слуха, то когда мы находимъ звукъ разумнымъ и размѣренное нѣжнѣе слагающимся разумно же, пріятность, отсюда получаемая, называется уже ея собственнымъ именемъ. Но ни въ прекрасныхъ вещахъ мы не имѣемъ обыкновенія называть разумнымъ того, если намъ правится самый цвѣтъ, ни въ удовольствіяхъ слуха того, если получившая ударъ струна звучитъ какъ бы съ полною ясностію и чистотою. Итакъ въ удовольствіяхъ, доставляемыхъ этими чувствами, мы признаемъ относящимся къ разуму то, въ чемъ проявляется нѣкоторая размѣренность и стройность.

Такъ въ этомъ самомъ зданіи, разсматривая внимательно частности, не можемъ не быть непріятно пораженными, что видимъ изъ дверей поставленную съ боку, а другую почти на срединѣ, и однакоже не въ самой срединѣ. Это потому, что во всякихъ сооруженіяхъ неправильность размѣренія частей, если не вынуждена никакою необходимостію, кажется какъ бы наносящею нѣкоторое оскорбленіе самому зрѣнію. А какое при внимательномъ разсмотрѣніи доставляютъ намъ удовольствіе и какъ кажутся привлекательными эти три наружныя окна, одно посрединѣ и двое съ боковъ, это очевидно само собою и не требуетъ много словъ для указанія вамъ. Поэтому и сами архитекторы называютъ это на своемъ техническомъ языкѣ разумомъ (*ratio*), и когда части бываютъ расположены нестройно, говорятъ, что въ нихъ нѣтъ разума. Это имѣетъ обширное приложеніе и распространяется на всѣ почти искусства и дѣла человѣческія. И въ самыхъ стихахъ, въ которыхъ мы также находимъ разумъ, имѣющимъ отношеніе къ удовольствію слуха, кто не чувствуетъ, что вся эта пріятность доставляется соразмѣрностію? Но когда пляшетъ гистріонъ, то хотя стройныя

движенія его членовъ доставляютъ удовольствіе глазамъ также соразмѣрностію, однако если всѣ его жесты представляются внимательнымъ зрителямъ знаками тѣхъ или иныхъ предметовъ, его пляска называется разумною потому, что хорошо что нибудь обозначаетъ или показываетъ, но съ исключеніемъ при этомъ удовольствія чувствъ. Также если кто изобразить Венеру крылатою, а Купидона въ епанчѣ, то хотя бы на картинѣ было придано имъ удивительное движеніе и положеніе, изображеніе это будетъ оскорблять не глаза, но черезъ глаза душу; потому что для глазъ было бы оскорбленіемъ, если бы не было красоты въ движеніяхъ. Последнее относилось бы къ чувству, въ которомъ душа получаетъ удовольствіе тѣмъ самымъ, что смѣшана съ тѣломъ. Итакъ иное дѣло чувство, и иное дѣло чрезъ чувство: чувству доставляетъ наслажденіе прекрасное движеніе; но душѣ чрезъ чувство—только прекрасный смыслъ въ движеніи. Еще яснѣе усматривается это въ томъ, что касается слуха: ибо то, что пріятно звучитъ, доставляетъ удовольствіе и наслажденіе самому слуху; но тотъ смыслъ, который выражается этимъ звукомъ, хотя передается и слухомъ, но относится исключительно къ душѣ. Такъ, когда мы слышимъ извѣстные стихи:

Quid tantum Oceano properent se tingere soles
Hybernii, vel quae tardis mora noctibus obstet ¹⁾,

мы иначе хвалимъ метры, и иначе ихъ мысль; и не въ одномъ и томъ же смыслѣ говоримъ: разумно звучитъ, и разумно сказано.

¹⁾ Virg. Georg. II: Чего спѣшать такъ погружаться въ Океанъ зима солнца,
И какое препятствіе задерживаетъ долгія ночи.

ГЛАВА XII.

Разумъ изобрѣтательъ всѣхъ знаній. Поводъ къ изобрѣтенію словъ. Поводъ къ изобрѣтенію письменъ. Поводъ къ изобрѣтенію цифръ. Поводъ къ различенію буквъ, слоговъ и словъ. Поводъ къ появленію исторіи.

Итакъ есть три рода предметовъ, въ которыхъ обнаруживается это объективно-разумное. Это во первыхъ—въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ какой либо цѣли, во вторыхъ—въ словахъ, въ третьихъ — въ удовольствіяхъ. Первое побуждаетъ насъ ничего не дѣлать необдуманно; второе—подлежащимъ образомъ передавать мысль посредствомъ слова; послѣднее—блаженно созерцать. Первое выражается въ правахъ; два послѣднія—въ знаніяхъ, о которыхъ у насъ рѣчь. Ибо то субъективно-разумное, которое существуетъ въ насъ, то есть то, что разумомъ одарено и разумно-объективное производить, или слѣдуетъ ему, связывается нѣкоторыми естественными узами общенія съ тѣми, съ которыми у него этомъ разумъ общій. Но такъ какъ человѣкъ не могъ бы установить прочнаго общенія съ человѣкомъ, если бы они между собою не разговаривали и такимъ образомъ не передавали другъ другу взаимно свои чувства и мысли: то это субъективно-разумное нашло нужнымъ дать предметамъ слова, то есть нѣкоторые, служащіе знаками, звуки; такъ чтобы люди, не могшіе чувствовать своихъ душъ, пользовались для установленія между ними взаимнаго сношенія чувствомъ, какъ бы передодчикомъ. Но слышать словъ отсутствующихъ они не могли. Поэтому разумъ тотъ изобрѣлъ письмена, обозначивъ и различивъ всѣ звуки гортани и языка. Но ничего этого сдѣлать онъ не могъ бы, если бы множество вещей являлось въ представленіи безконечнымъ, безъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ границъ. По необходимости обращено было вниманіе на пользу счисленія.

Когда были сдѣланы эти два открытія, появилась профессія книжниковъ и счетчиковъ,—какъ бы нѣкоторое дѣтство грамматики,—которую Варронъ называетъ грамотностію, а какъ это называется погречески, я теперь хорошо не припомню.

Продолжая идти впередъ, разумъ замѣтилъ, что изъ тѣхъ же самыхъ звуковъ, которыми мы говоримъ и которые онъ уже обозначилъ письменами, одни вылетаютъ изъ различнымъ образомъ раскрываемой гортани какъ бы ровными и чистыми, безъ всякихъ столкновеній; другіе же отъ различнаго сжатія устъ удерживаютъ лишь нѣкоторый звукъ; иные же наконецъ не иначе могутъ выходить явственно изъ устъ, какъ присоединивъ къ себѣ первые. Поэтому онъ назвалъ буквы въ томъ порядкѣ, въ какомъ изложены, гласными, полугласными и нѣмыми. Потомъ онъ отмѣтилъ слоги; потомъ были раздѣлены слова на восемь родовъ и формъ, и искуснымъ и тонкимъ образомъ были различены ихъ измѣненіе, правильность, совокупленіе. Затѣмъ уже, не теряя изъ виду чиселъ и измѣренія, онъ обратилъ вниманіе на самое, различнымъ образомъ замедляемое, произношеніе словъ и слоговъ, и открылъ долготу удвоенную и простую, съ которою произносились слоги долгиіе и короткіе. И это онъ отмѣтилъ, и подвелъ подъ точныя правила.

Грамматика могла бы быть уже законченною; но такъ какъ самымъ именемъ своимъ она провозглашаетъ, что объѣмаетъ письменные рассказы, почему полатини и называется литературою: то все, что предавалось письмени, какъ достояніе памяти, стали по необходимости относить къ ней. Итакъ къ этой наукѣ присоединилась исторія, хотя и подъ однимъ именемъ, но предметъ безпредѣльный, многосложный доставляющій болѣе хлопотъ, чѣмъ пріятности или истины, и задающій не столько труда самимъ историкамъ, сколько грамматикамъ. Ибо кто скажетъ, что видѣлъ такого невѣ-

жественнаго челоуѣка, который не слышалъ бы, что Дедалъ леталъ? Не показался ли бы выдумавшій это лжемъ, повѣрившій этому дуракомъ, а спрашивавшій объ этомъ наглецомъ? Или, если бы наши друзья (въ этихъ случаяхъ я обыкновенно сердечно сожалею о нихъ) не отвѣтили, какъ называлась мать Евріала, развѣ не были бы обвинены въ невѣжествѣ; хотя бы они и имѣли право самихъ спрашивающихъ назвать пустыми и нелѣпыми, но не любознательными?

ГЛАВА XIII.

Изобрѣтеніе діалектики и риторики.

Итакъ онъ разумъ, закончивъ и расположивъ грамматику, пришелъ къ мысли отыскать и изслѣдовать ту самую силу, которая родила искусство. Ибо опредѣленіемъ, раздѣленіемъ и приведеніемъ ея къ сознанію онъ не только упорядочивалъ ее и давалъ ей извѣстную стройность, но и защищалъ ее отъ всякой примѣси лжи. Да и какъ онъ приступилъ бы къ созданію другаго, если бы прежде не различилъ, не обозначилъ и не привелъ въ порядокъ эти своего рода орудія и инструменты свои, и не произвелъ ту науку наукъ, которую называютъ діалектикою? Она учитъ учить; она же учитъ учиться: въ ней обнаруживаетъ себя разумъ и показываетъ, что онъ такое, чего хочетъ, что можетъ. Она знаетъ знать; она одна не только хочетъ, но и можетъ дѣлать знающими. Но такъ какъ есть очень много глупыхъ людей, которые, будучи убѣждаемы къ чему нибудь прямо, въ видахъ пользы и честнымъ образомъ, слѣдуютъ не истинѣ въ ея неподдѣльномъ видѣ, которую понимаетъ рѣдкій умъ, а своимъ собственнымъ чувствамъ и привычкамъ: то такихъ нужно было не только учить, насколько ихъ можно было учить, но часто и сильно возбуждать. Ту часть свою,

которая дѣлала бы это, наполнивъ лоно свое забавами для разбрасыванія ихъ народу,—часть, содержаніе которой болѣе вынужденное обстоятельствами, чѣмъ чистое,—она назвала риторикою. Настолько подвинулась въ свободныхъ занятіяхъ и наукахъ та сторона (разума), которая обозначается названіемъ объективно-разумнаго.

ГЛАВА XIV.

Музыка и поэзія. Три рода звука. Откуда стихи. Ритмъ.

Послѣ этого онъ разумъ пожелалъ устремиться къ блаженнѣйшему созерцанію самихъ божественныхъ вещей. Но чтобы не упасть съ высоты, онъ позаботился найти опору, и проложилъ себѣ путь чрезъ свои же владѣнія и въ опредѣленной постепенности. Онъ искалъ красоты, которую могъ бы созерцать одинъ и самъ по себѣ; но ему мѣшали чувства. Итакъ онъ вступилъ въ борьбу отчасти съ самыми чувствами, которыя, провозглашая, что въ нихъ истина, своею докучливою трескотнею отвлекали его, торопившагося идти къ иному. Онъ началъ во первыхъ со слуха, который называлъ своею собственностію самыя слова, изъ коихъ разумъ составилъ уже и грамматику, и діалектику и риторiku. Весьма могущественный въ различеніи, онъ тотчасъ усмотрѣлъ, какое различіе между звукомъ и тѣмъ, знакомъ чего онъ служитъ. Онъ понялъ, что сужденію слуха не подлежитъ ничего, кромѣ звука, а этотъ звукъ есть трехъ родовъ: одинъ онъ нашелъ въ голосѣ существъ одушевленныхъ, другой въ томъ, который производится дуновеніемъ въ инструментъ, и третій въ томъ, который издается отъ удара. Къ первому принадлежатъ трагедіи, комедіи, всякаго рода хоры и все вообще, что поется собственнымъ голосомъ. Для второго рода предназначены флейты и по-

добные имъ инструменты. Третьему даны цитары, лиры, цимбалы и все, что издастъ гармоническій звукъ отъ ударенія.

Но онъ пашель этотъ матеріалъ самымъ презрѣннымъ, если звуки образовывались безъ точнаго размѣра времени и безъ опредѣленнаго разнообразія остроты и густоты. Въ этомъ онъ узналъ тѣ самые элементы, которые въ грамматикѣ, когда занимался внимательно слогами, назвалъ стопами и удареніями. И такъ какъ было легко замѣтить, что краткость и долгота слоговъ въ словахъ рассыпана по рѣчи въ равномъ почти количествѣ, онъ попробовалъ означенныя стопы располагать и соединять въ извѣстные ряды, и слѣдуя при томъ прежде всего самому смыслу, выдѣлилъ небольшія части, которыя назвалъ цезами и членами. А чтобы ряды стопъ не удлинялись до такой степени, что могли утомлять его вниманіе, онъ поставилъ имъ предѣлъ, отъ котораго они бы возвращались, и отъ этого самаго назвалъ ихъ стихами ¹⁾. А чему не было установлено опредѣленнаго конца, но что выражалось однакоже разумною послѣдовательностію стопъ, то онъ обозначилъ именемъ ритма, которое на латинскій языкъ можетъ быть переведено словомъ *numerus* (число). Такимъ образомъ онъ произвелъ поэтовъ. Когда же увидѣлъ великую важность произведеній ихъ не только со стороны звуковъ, но и со стороны языка и содержанія, усвоилъ имъ великій почетъ, и предоставилъ имъ власть всякихъ, какіе пожелаютъ, разумныхъ вымысловъ. Но судьями надъ ними дозволилъ быть грамматикамъ, такъ какъ происхожденіе свое они вели отъ той науки.

Итакъ, сдѣлавъ этотъ четвертый шагъ, онъ замѣтилъ, что и здѣсь, какъ въ ритмахъ, такъ и въ самой мѣрности

¹⁾ Латинское *versus*—стихъ отъ глагола *vertere*—оборачивать, возвращать.

рѣчи, царствуютъ и все дѣлають числа. Всмотрѣлся самымъ внимательнымъ образомъ, какого рода они, и нашелъ ихъ божественными и вѣчными, особенно потому, что при помощи ихъ онъ вырабатывалъ все болѣе возвышенное. И ему стало вѣдомо уже болѣе терпѣть, что ихъ блескъ и ясность затемнялись тѣлесною матеріею звуковъ. А поселику то, что созерцается умомъ, всегда бываетъ настоящимъ, и признается безсмертнымъ, каковыми являются числа; звукъ же, поkolнику есть вещь подлежащая чувствамъ, переходитъ во время прошедшее и запечатлѣвается въ памяти: то, при содѣйствіи уже разума разумному поэтическому вымыслу, было придумано (нужно ли спрашивать, что въ этомъ подобнаго происхожденію повольтни?), что музы дочери Юпитера и Мемории (*памяти*). Отъ того эта наука, — берущая часть отъ чувства, часть отъ ума, — получила названіе музыки

ГЛАВА XV.

Геометрія и астрономія.

Отсюда разумъ перешелъ въ область зрѣнія, и осматривая землю и небо, почувствовалъ, что ему правится не что другое, какъ красота, а въ красотѣ образы, въ образахъ измѣренія, въ измѣреніяхъ числа. И задаль онъ самому себѣ вопросы, такова ли тамъ линія, такова ли округлость, таковы ли всѣ другіе формы и образы, какіе существуютъ въ его понятіи. Онъ нашелъ ихъ далеко худшими, — нашелъ, что все, что ни видятъ глаза, ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть сравниваемо съ тѣмъ, что усматриваетъ умъ. Различивъ и приведши въ порядокъ, онъ возвелъ и это въ науку и назвалъ геометріею. Сильное впечатлѣніе произвело на него движеніе неба, и вызвало на внимательное его изслѣдованіе. И тамъ въ постояннѣйшемъ чередованіи временъ годовыхъ, въ точныхъ и опредѣленныхъ теченіяхъ звѣздъ,

въ извѣстныхъ пространствахъ разстояній, онъ увидѣлъ господство ничего иного, какъ того же самаго измѣренія и тѣхъ же самыхъ чиселъ. Сводя подобнымъ же образомъ, чрезъ опредѣленіе и различеніе, къ порядку и это, онъ произвелъ астрологію, предметъ высокой важности для суевѣрныхъ и пытку для любопытныхъ.

Итакъ во всѣхъ этихъ наукахъ онъ встрѣчалъ все подчиненнымъ числамъ, но такъ однакоже, что числа эти яснѣе выступали въ тѣхъ измѣреніяхъ, которые онъ, размышляя и взвѣсивая самъ про себя, усматривалъ истиннѣйшими; а эти, которые подлежатъ чувствамъ, скорѣе напоминали ему лишь тѣни и слѣды тѣхъ. Это придадо ему бодрость и великую рѣшимость: онъ осмѣлился доказывать безсмертіе души. Исслѣдовалъ онъ все внимательно; понялъ вполне, что онъ очень многое можетъ сдѣлать, и что можетъ—можетъ посредствомъ чиселъ. Его пробудило нѣкое чудо и онъ началъ подозрѣвать, что можетъ быть и самъ-то онъ есть число, то самое число, которымъ все исчисляется; а если онъ не былъ числомъ, то въ числѣ есть Тотъ, къ которому онъ стремился достигнуть. Онъ схватился всѣми своими силами за Него, который,—будущій указатель всеобщей истины, тотъ самый, о которомъ упомянулъ Алипій, когда мы разсуждали объ Академикахъ¹⁾,—былъ уже въ рукахъ, какъ Протей. Ибо ложные образы тѣхъ вещей, которые мы исчисляемъ, отступающіе отъ того таинственнѣйшаго, при помощи чего мы исчисляемъ, отвлекаютъ на себя мысль и часто даютъ ускользнуть ему, уже пойманному.

ГЛАВА XVI.

Свободныя науки возводятъ умъ къ божественному.

Если же кто не поддается имъ, и все, что пространно и подробно излагается въ столькихъ наукахъ, уснѣтъ при-

¹⁾ Противъ Академиковъ кн. III, гл. 5.

вести къ нѣкоторому простому единству, истинному и точному, тотъ, достойнѣйшій имени человека ученаго, не напрасно уже ищетъ онаго божественнаго не только для вѣры, но и для созерцанія, для уразумѣнія и для познанія. А кто, будучи еще рабомъ похотей и страсно ища вещей гибнущихъ, или хотя и убѣгая ихъ и живя чисто, однако не зная, что такое ничто, что такое безформенная матерія, что такое образованіе бездушное, что—тѣло, что—пространство, что—время, что существуетъ въ пространствѣ, что во времени; что такое движеніе въ пространствѣ, что—движеніе не въ пространствѣ, что—движеніе непрерывное, что такое вѣчность; что значить не быть въ пространствѣ и нигдѣ; и что значить вѣ въ времени, и всегда; и что—нигдѣ не быть и нигдѣ не не быть, и никогда не быть, и никогда не не быть,—итакъ кто, не зная всего этого, вздумалъ бы задаваться вопросами и разсуждать, не говорю—объ Ономъ Высочайшемъ Богѣ, который лучше познается невѣденіемъ, а о самой душѣ своей, онъ погрѣшить такъ много, какъ только можетъ погрѣшить; но гораздо легче познаеть это тотъ, кто уразумѣлъ числа простыя и умомъ постигаемыя. Не говорю уже, что самыя числа уразумѣваетъ тотъ, кто достаточно изучаетъ упомянутый рядъ наукъ, располагая для этого извѣстными умственными дарованіями, пользуясь досугомъ въ силу его привилегіи возраста или какихъ-либо счастливыхъ обстоятельствъ, и имѣя особо горячую ревность къ занятіямъ. Ибо хотя всѣ эти свободныя искусства изучаются частію для житейскаго употребленія, частію для познанія и созерцанія вещей, пріобрѣсть въ нихъ опытность весьма трудно, за исключеніемъ того, кто, будучи одаренъ отличными способностями, посвятить себя непрерывнымъ и постояннымъ занятіямъ ими съ самаго дѣтства.

ГЛАВА XVII.

Вопросовъ трудныхъ не должны касаться необразованные въ наукахъ.

А что изъ этихъ наукъ нужно для нашего вопроса, то пусть не пугаетъ тебя, мать, будто иѣкій неизмѣримый лѣсъ предметовъ. Ибо изъ всего будетъ выбрано числомъ весьма не многое, по силоу весьма вѣское, и хотя для пониманія многихъ трудное, но для тебя, мать, умъ которой выказывается мнѣ ежедневно съ новыхъ сторонъ, и которой душа, въ силу ли возраста или удивительнаго воздержанія чуждая всякихъ мелочей, глубоко сосредоточена сама въ себѣ, тѣмъ болѣе легкое, чѣмъ труднѣе оно для малоспособныхъ и проводящихъ жалкую жизнь. Конечно, я бы грубо солгалъ, если бы сказать, что ты легко усвоишь рѣчь, чуждую погрѣшностей въ выговорѣ и языкѣ. Ибо и меня самого, которому было весьма необходимо изучать это, италійцы еще упрекаютъ за произношеніе многихъ словъ; хотя въ свою очередь укоряются и мною въ томъ, что касается самого произношенія. Ибо иное дѣло знать языкъ путемъ изученія, иное—наслѣдственно. Чтоже касается такъ называемыхъ солесцизмовъ, то весьма возможно, что какой нибудь ученый при внимательномъ наблюденіи откроетъ ихъ въ моей рѣчи; былъ человекъ, который съ большимъ знаіемъ доказалъ мнѣ, что и самъ Цицеронъ дѣлалъ иѣкоторые погрѣшности этого рода. Варваризмы же до такой степени ходячи въ наше время, что варварскою кажется даже та рѣчь, которая сохранилась въ Римѣ. Но ты, пренебрегши этими вещами, какъ ребяческими и до тебя не касающимися, такъ усвоила, божественную почти, силу и природу грамматики, что кажешься, будто душу ея удержала у себя, а тѣло оставила другимъ.

О прочихъ этого рода наукахъ я скажу слѣдующее.

Если ты въ глубинѣ души своей, быть можетъ, презираешь ихъ, то насколько, какъ сынъ, смѣю и насколько позволишь ты, прошу тебя, сохраняй твердо и бережно ту вѣру свою, которую получила отъ досточтимыхъ таинствъ, а затѣмъ оставайся твердою и бдительною въ этой жизни и правственности. Но о предметахъ весьма темныхъ, и въ тоже время божественныхъ, напримѣръ: какимъ образомъ Богъ и ничего злаго не творить, и есть всемогущъ; какимъ образомъ столько злаго; для какого блага Богъ сотворилъ міръ, въ которомъ Онъ нужды не имѣлъ; и всегда ли существовало зло или началось во времени; и если существовало всегда, то существовало ли по установленію Божию; и если существовало оно, то существовалъ ли всегда этотъ міръ, въ которомъ это зло по божественному порядку господствуетъ; если же міръ съ нѣкаго времени началъ свое существованіе, то какимъ образомъ прежде, чѣмъ онъ сталъ быть, Божія власть управляла зломъ; и какая нужда была творить міръ, чтобы заключить въ него, въ наказаніе душамъ, зло, которое уже сдерживала власть Божія; а если было время, когда зло подъ властію Божіею не было, то отъ чего вдругъ случилось то, чего не случалось въ предшествующія вѣчныя времена. Ибо утверждать, что у Бога явилось новое рѣшеніе, не скажу нечестиво, но—въ высшей степени нелѣпно. Если же мы скажемъ, что зло было для Бога неудобно и какъ бы страшно, какъ думаютъ нѣкоторые, то ни какой ученый не удержится отъ смѣха, а всякій неученый разсердится. Ибо какой вредъ могла причинить Богу эта невѣсть какая природа зла? Если скажутъ, что она причинить его не могла, не будетъ причины для творенія міра; а если скажутъ, что могла, будетъ непростительнымъ преступленіемъ полагать, что Богъ можетъ подвергаться растлѣнію, такъ по крайней мѣрѣ, чтобы не предохранить своею силою отъ поврежденія своего собственного существа.

Вѣдь признають же они, что душа при подобныхъ условіяхъ подвергается наказаніямъ, и въ тоже время между существомъ ея и существомъ Божиимъ не хотятъ видѣть никакого совершенно различія. Если же скажемъ, что этотъ міръ не сотворенъ,—полагать такъ нечестиво и неблагодарно, и отнюдь не будетъ еще слѣдовать, что Богъ его не сотворить. Итакъ обо всѣхъ этихъ и другихъ того же рода предметахъ или должно производить изслѣдованіе въ вышеизложенномъ порядкѣ научныхъ занятій, или не производить никакихъ вовсе.

ГЛАВА XVIII.

Въ какомъ порядкѣ душа доходитъ до познанія самой себя и своего единства. Все стремится къ единству.

А чтобы не подумалъ кто нибудь, что требованія наши слишкомъ широки, я скажу яснѣе и короче слѣдующее. Никто не долженъ домогаться познанія означенныхъ предметовъ безъ онаго какъ бы двойнаго знанія—умѣнья правильно разсуждать и знанія силы чиселъ. Если же кто считаетъ и это слишкомъ многимъ, пусть лучше изучитъ одни числа или одну діалектику. А если и это представляется ему безмѣрнымъ, пусть знаетъ только въ совершенствѣ, что такое единица въ числахъ, и какое она имѣетъ значеніе, не въ отношеніи еще къ оному высшему закону и высшему порядку всѣхъ вещей, но въ отношеніи къ нашимъ обыденнымъ мыслямъ и дѣйствіямъ. Ибо тотъ родъ знанія составляетъ уже предметъ самой философіи; и философія ищетъ въ немъ также единства, но болѣе возвышеннаго и болѣе божественнаго. Два вопроса составляютъ предметъ ея изслѣдованія: одинъ о душѣ, другой о Богѣ. Первый приводитъ насъ къ познанію самихъ себя, другой къ познанію нашего происхожденія. Тотъ пріятнѣе намъ, этотъ

дороже: тотъ дѣлаетъ насъ достойными блаженной жизни, а этотъ блаженными. Первый—предметъ изслѣдованія для учащихся, послѣдній—для ученыхъ уже. Таковъ тотъ порядокъ упражненій въ мудрости, посредствомъ котораго каждый дѣлается способнымъ къ пониманію порядка вещей, т. е. къ познанію двухъ міровъ и Самаго Отца вселенной, о Которомъ въ душѣ нѣтъ другаго познанія, кромѣ знанія, какимъ образомъ она не знаетъ Его.

Итакъ, держась этого порядка, преданная уже философіи душа, прежде всего изучаетъ саму себя; и когда это изученіе убѣдитъ ее, что разумъ ея принадлежность, или что она сама есть разумъ, а въ разумѣ нѣтъ ничего лучше и могущественнѣе чиселъ, или и самъ разумъ есть ничто иное, какъ число: она такъ будетъ бесѣдовать сама съ собою.— По нѣкоторому своему внутреннему и тайному движенію, я могу то, что подлежитъ изученію, различать и объединять, и эта сила моя называется разумомъ. Но что иное можетъ подлежать различенію, какъ не то, что считается однимъ, но не есть одно, или въ дѣйствительности не такъ единично, какъ считается? Съ другой стороны, для чего и объединять что-нибудь, если не для того, чтобы оно было по возможности однимъ? Итакъ и въ различеніи, и въ объединеніи я желаю единства и люблю единство. Но когда различаю, имѣю цѣлю очистить, когда объединяю—возвратить къ первоначальному виду. Въ первомъ случаѣ устраняется чуждое, въ послѣднемъ—соединяется свое, чтобы вышло нѣчто современное. Чтобы камень былъ камнемъ, всѣ части его и вся его природа сплочены въ одно. А дерево развѣ не перестанетъ быть деревомъ, если не будетъ однимъ? А члены и внутренности какого либо животнаго, и все, изъ чего они состоятъ?—вѣдь если единство ихъ подвергнется раздѣленію, животное перестанетъ быть животнымъ. И что такое друзья, какъ не люди, стремящіеся быть однимъ?—и чѣмъ болѣе они

одно, тѣмъ болѣе они друзья. Народъ составляетъ одно государство, для котораго разномысліе въ высшей степени опасно; а что такое разномысліе, какъ не отсутствіе единомыслія? Изъ многихъ воиновъ составляется одно войско, и не всякая ли армія тѣмъ менѣе побѣдила, чѣмъ болѣе сплочивается въ одно? Отсюда и самое сплоченіе въ одно названо *cuneus* ¹⁾, какъ бы—*coiuneus* (соединеніе). Что такое всякая любовь, какъ не желаніе быть одно съ тѣмъ, кого любить? И становится одно съ нимъ, если достигаетъ его. И самая страсть тѣмъ и доставляетъ сильнѣйшія наслажденія, что любящія взаимно тѣла соединяется въ одно. Изъ чего возникаетъ гибельная скорбь? Изъ того, что бывшее однимъ силится расторгнуться. Поэтому-то вредно и опасно быть однимъ съ тѣмъ, что можетъ отдѣлиться.

ГЛАВА XIX.

Чѣмъ человекъ превосходитъ животныхъ. Какимъ образомъ онъ можетъ видѣть Бога.

Изъ множества предметовъ, прежде тамъ и сямъ разбросанныхъ, но потомъ собранныхъ вмѣстѣ по одному чертежу, я строю домъ. Самъ я лучшій, поелику я дѣлаю то, что онъ получаетъ бытіе; потолкику я лучшій, поколику я дѣлаю; несомнѣнно поэтому, что я лучше дома. Но поэтому я еще не лучше ласточки или пчелы; ибо и первая мастерски строить гнѣзда, а послѣдняя—соты; но я потому лучше ихъ, что я животное одаренное разумомъ. Но если въ правильно рассчитанныхъ измѣреніяхъ проявляется разумъ: то развѣ то, что и птицы строятъ, соразмѣрено менѣе искусно и менѣе точно? Расчисленій тамъ даже несравненно болѣе. Итакъ я не тѣмъ лучше, что дѣлаю такое, что

¹⁾ *Cuneus*—особенно употребительное у римлянъ клинообразное построеніе войска въ сраженіяхъ.

требуетъ расчисленій, а тѣмъ, что знаю числа. Слѣдовательно тѣ, и не зная чиселъ, могутъ дѣлать такое, что требуетъ расчисленій? Могутъ исполнѣ. Откуда они этому научаются? А оттуда же, откуда и мы съ извѣстною соразмѣрностію прикладываемъ языкъ къ зубамъ и нѣбу, чтобы изъ нашихъ устъ вылетали буквы и слова, и когда говоримъ, не думаемъ о томъ, посредствомъ какого движенія рта должны мы это дѣлать. Затѣмъ какой хорошій пѣвецъ, еслибы онъ даже былъ въ музыкѣ несвѣдущъ, не соблюдаетъ въ пѣніи по памяти ритма и принятой мелодіи, руководясь самымъ естественнымъ чувствомъ? Что можетъ требовать болѣе расчисленій? Неученый не знаетъ этого, и однакоже дѣлаетъ это; потому что такъ дѣлаетъ за него природа. Когда же онъ становится лучшимъ, и когда долженъ быть ставимъ выше скотовъ? Когда знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Меня возвышаетъ надъ скотомъ нечто другое, какъ то, что я животное разумное.

Но какимъ образомъ разумъ безсмертенъ, а себя я опредѣляю какъ нѣчто въ одно и то же в семя и разумное и смертное? Или и разумъ не есть безсмертенъ? Но отношеніе одного къ двумъ или двухъ къ четыремъ есть отношеніе въ высшей степени истинное. И не болѣе оно было истинно вчера, чѣмъ сегодня, и не болѣе будетъ истинно завтра или черезъ годъ; да еслибы погибъ и весь этотъ міръ, отношеніе это не можетъ перестать существовать. Ибо оно таково же всегда; а этотъ міръ ни вчера не имѣлъ, ни завтра не будетъ имѣть того, что имѣетъ сегодня; да и въ самый сегодняшний день, въ промежутокъ даже одного часа не имѣетъ солнца въ одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ что въ немъ нѣтъ ничего пребывающаго (неизмѣнно), не имѣетъ онъ ничего въ одномъ и томъ же видѣ даже въ продолженіи незначительнаго времени. Итакъ если разумъ безсмертенъ, а я, который все это различаю и объединяю, есмь разумъ: то не мое то, изъ-за чего я называюсь смертнымъ. Или, если душа не есть

тоже, что и разумъ, но разумомъ я однако же пользуюсь, и чрезъ разумъ я превосходяще: то должно отъ худшаго стремиться къ лучшему, отъ смертнаго къ безсмертному. Объ этомъ и о многомъ другомъ (чего перечислять я не хочу, чтобы, желая научить васъ порядку, не переступить мѣры, которая есть отецъ порядка) говорить сама съ собою и размышляеть хорошо образованная душа. Такъ какъ она тщательно наблюдаетъ силу и могущество чиселъ, то ей будетъ казаться крайне недостойнымъ и крайне печальнымъ, если ея знаніе будетъ стройно, какъ прекрасный стихъ, и благозвучно, какъ цитра, а ея жизнь и сама она, душа, будетъ идти путемъ ложнымъ, и отдавшись подъ власть похоти, разнить съ собою гнустнымъ сѣриномъ пороковъ.

Когда же она приведетъ себя въ надлежащій видъ и порядокъ, и сдѣлается стройною и прекрасною, тогда получить дерзновеніе видѣть Бога, видѣть самый источникъ, изъ котораго истекаетъ всякая истина, видѣть самага Отца истины. Боже великій, что это будутъ за глаза, какъ они будутъ здоровы, какъ прекрасны, какъ зорки, какъ тверды, какъ свѣтлы, какъ блаженны! А что такое увидятъ они? Что, спрашиваю? Какъ представимъ мы это себѣ, какъ оцѣнимъ, какъ выразимъ? Вертятся на языкѣ слова обыденныя, и всѣ они загрязнены ничтожнѣйшими предметами. Скажу одно: они общають намъ такое зрѣлище красоты, по подражанію которой все остальное прекрасно, но по сравненію съ которою — безобразно. Кто увидитъ эту красоту (а увидитъ тотъ, кто хорошо живетъ, хорошо молится, хорошо занимается наукою), такого развѣ поколеблетъ когда-нибудь то обстоятельство, что одинъ, желая имѣть дѣтей, не имѣетъ ихъ, а другой выбрасываетъ ихъ, потому что имѣетъ слишкомъ много, иной же ненавидитъ и тѣхъ, которыя имѣють родиться, а иной любить родившихся? Не отвергнетъ ли онъ всячески мысль,

что можетъ что-либо быть такое, что не совершилось бы предъ лицомъ Бога, въ установленномъ имъ для всего необходимомъ порядкѣ, не исключаящемъ однакоже дѣйствительности молитвъ къ Богу? Да и когда вообще заставляютъ колебаться мужа праведнаго какія-либо тягости, какія-либо ласкательства фортуны? Ибо въ этомъ чувственномъ мірѣ необходимо принимать въ постоянное соображеніе время и мѣсто: когда что-либо доставляетъ удовольствіе въ части, мѣста ли то или времени, то цѣлое, котораго оно служить частію, должно быть представляемо гораздо лучше; и опять, если что кажется несообразнымъ въ части, человѣку ученому будетъ ясно, что оно кажется несообразнымъ потому, что не видно цѣлаго, съ которымъ эта часть согласуется удивительнымъ образомъ. Въ томъ же, умомъ постигаемомъ мірѣ всякая часть, какъ и цѣлое, прекрасна и совершенна. Обо всемъ этомъ будетъ сказано пространнѣе, если ваши ученыя занятія, какъ я совѣтую и надѣюсь, будутъ идти въ упомянутомъ выше мною или пожалуй въ другомъ, болѣе краткомъ и удобномъ, но во всякомъ случаѣ—правильномъ порядкѣ, и будутъ идти вполнѣ строго и постоянно.

ГЛАВА XX.

Эпилогъ, совѣтующій добрую жизнь.

Чтобы это было возможно для насъ, мы должны особенно позаботиться о доброй нравственности. Ибо иначе Богъ нашъ не можетъ насъ услышать. Живущихъ же хорошо Онъ выслушиваетъ весьма легко. Итакъ будемъ молиться не о богатствѣ, не о почестяхъ, ни о другихъ того же рода вещахъ, текущихъ, колеблющихся, и при всякомъ съ чьей либо стороны сопротивленіи, проходящихъ мимо насъ, но о томъ, что сдѣлаетъ насъ добрыми и блаженными. А чтобы

обѣты эти были выполнены самымъ святымъ образомъ, мы привлекаемъ къ этому дѣлу особенно тебя, мать, по молитвамъ которой, какъ я несомнѣнно вѣрю и утверждаю, Богъ далъ мнѣ такое душевное расположеніе, что я не предпочитаю рѣшительно ничего изслѣдованію истины, ничего другого не желаю, ни о чемъ не думаю, ничего не люблю. И я не перестану вѣрить, что и это великое благо, котораго мы по твоимъ заслугамъ пожелали, по твоимъ о немъ же молитвамъ и получимъ. Тебя же, Алипій, зачѣмъ бы я сталъ ободрять или увѣщавать? Если ты не преданъ дѣлу чрезмѣрно, то потому развѣ, что какая угодно любовь къ подобнымъ предметамъ можетъ, пожалуй, быть названа малою, но чрезмѣрною по справедливости не можетъ быть названа никогда.

На это онъ сказалъ: своими ежедневными разсужденіями и тѣмъ удивленіемъ, которое ты возбудилъ въ насъ къ себѣ въ настоящее время, ты поистинѣ сдѣлалъ то, что преданія объ ученѣйшихъ и великихъ мужахъ, казавшіяся нѣкогда невѣроятными судя по великости усвоившихся имъ открытій въ области знаній, представляются намъ теперь не только не подлежащими сомнѣнію, но и такими, достовѣрность которыхъ, въ случаѣ нужды, мы могли бы подтвердить клятвою. Ибо что другое раскрылъ ты теперь передъ нашими глазами, какъ не досточтимое и почти божественное,—какимъ по праву оно считалось и оказалось на дѣлѣ,—ученіе Платона? И правила жизни, и не столько пути, сколько самыя поля и открытыя равнины знанія, и что особенно высоко чтить оный мужъ—самое святилище истины,—гдѣ оно находилось, каково оно было, какихъ поклонниковъ требовало,—все это ты объяснилъ кратко и такъ полно, что хотя мы догадываемся и думаемъ, что тебѣ извѣстно еще нѣчто болѣе тайное, однако сочли бы съ своей

стороны безстыдствомъ, если бы вздумали выпытывать отъ тебя что либо большее.

Съ удовольствіемъ слышу это, отвѣчалъ я. Утѣшаютъ и поощряютъ меня, впрочемъ, не столько слова твои, которыя невѣрны, сколько искреннее въ словахъ чувство. Кстати, это сочиненіе мы предположили послать тому, кто имѣть обыкновеніе думать объ насъ больше, чѣмъ каковыя мы въ дѣйствительности. Впрочемъ, если бы прочитали его и другіе, я не думаю, чтобы и они разсердились на тебя. Ибо кто не извинить съ полною благосклонностію ошибки въ сужденіи со стороны человѣка любящаго? Что же касается сдѣланнаго тобою упоминанія о Пинегорѣ, то думаю, что оно пришло тебѣ на умъ въ силу того же невѣдомаго божественнаго порядка. Ибо я рѣшительно упустилъ изъ виду вещь самую необходимую, которой я въ этомъ мужѣ (если вѣрить тому, что передается письменно; хотя кто не повѣритъ Варрону?) обыкновенно удивляюсь и которую, какъ тебѣ извѣстно, превозношу ежедневно похвалами, именно— что онъ ученіе объ управленіи республикою преподавалъ своимъ слушателямъ какъ самое послѣднее, когда они были уже учеными, уже совершенными, уже мудрыми, уже блаженными. Въ этомъ управленіи онъ видѣлъ столько волнъ, что ввергать въ эти волны не хотѣлъ никого, кромѣ мужа, который бы, управляя почти божественнымъ образомъ, могъ бы избѣжать скаль, и если бы измѣнило ему все, сохранился бы самъ въ тѣхъ волнахъ какъ скала. Ибо объ одномъ мудромъ можно съ полною истиною сказать:

Противостоятъ онъ, будто въ морѣ скала неподвижная¹⁾,

равно какъ и прочее, что говорится на ту же тему въ пре-

¹⁾ Virg. Aeneid. VII.

красныхъ стихахъ. На этомъ состязаніе было покончено, и мы оставили собраніе при общей радости и возбужденныхъ большихъ надеждахъ, когда была уже подана ночная лампа.

